

10(148)

Тимофеевич Аксаков (20 сентября [1 октября] 1791, Уфа — 30 апреля [12 мая] 1859, Москва) — русский писатель, чиновник и общественный деятель, литературный и театральный критик, мемуарист, автор книг о рыбалке и охоте, а также собирании бабочек. Отец русских писателей и общественных деятелей: Константина, Веры, Григория и Ивана Аксаковых.

Сергей Тимофеевич Аксаков[3] родился в 1791 году в Голубиной слободе (усадебный дом находился в современном саду Аксакова) в Уфе, в семье служившего прокурором земского суда Тимофея Степановича Аксакова (1762—1836/1837)[4]. Тимофей Степанович Аксаков, выходец из небогатого, хотя и старинного рода[5], был женат на Марии Николаевне Зубовой (1769—1833) — дочери товарища генерал-губернатора Уфимского наместничества Николая Степановича Зубова. Зубова, умная и властная женщина, выросшая среди высшего чиновничества и получившая хорошее по тем временам образование[6], в юности вела переписку с либеральным просветителем

Дочь типичного «просвещённого чиновника» восемнадцатого века <...> получила передовое воспитание, основанное на моралистическом благочестии и руссоистской чувствительности, и на этих же основах построила воспитание своего сына. Он вырос в атмосфере огромной любви и заботы, с ним никогда не обращались грубо или сурово. Его чувствительность и интеллектуальная восприимчивость развились очень рано.

Детство будущего писателя прошло в Уфе в доме деда Н. С. Зубова (ныне — дом-музей Аксакова), куда родители переехали из Голубиной слободы, когда Аксакову исполнилось 4 года, а также в Сергеевке (ныне — Старые Киешки)[9] Уфимской губернии, и родовом имении Ново-Аксаково Оренбургской губернии.

Большое влияние на его развитие оказал дед — Степан Михайлович Аксаков, мечтавший о внуке, который продолжит «род Шимона»[6]. Д. Мирский так характеризует Степана Аксакова: «неотесанный и энергичный помещик-первопроходец, одним из первых организовавший поселение крепостных в башкирских степях»[8].

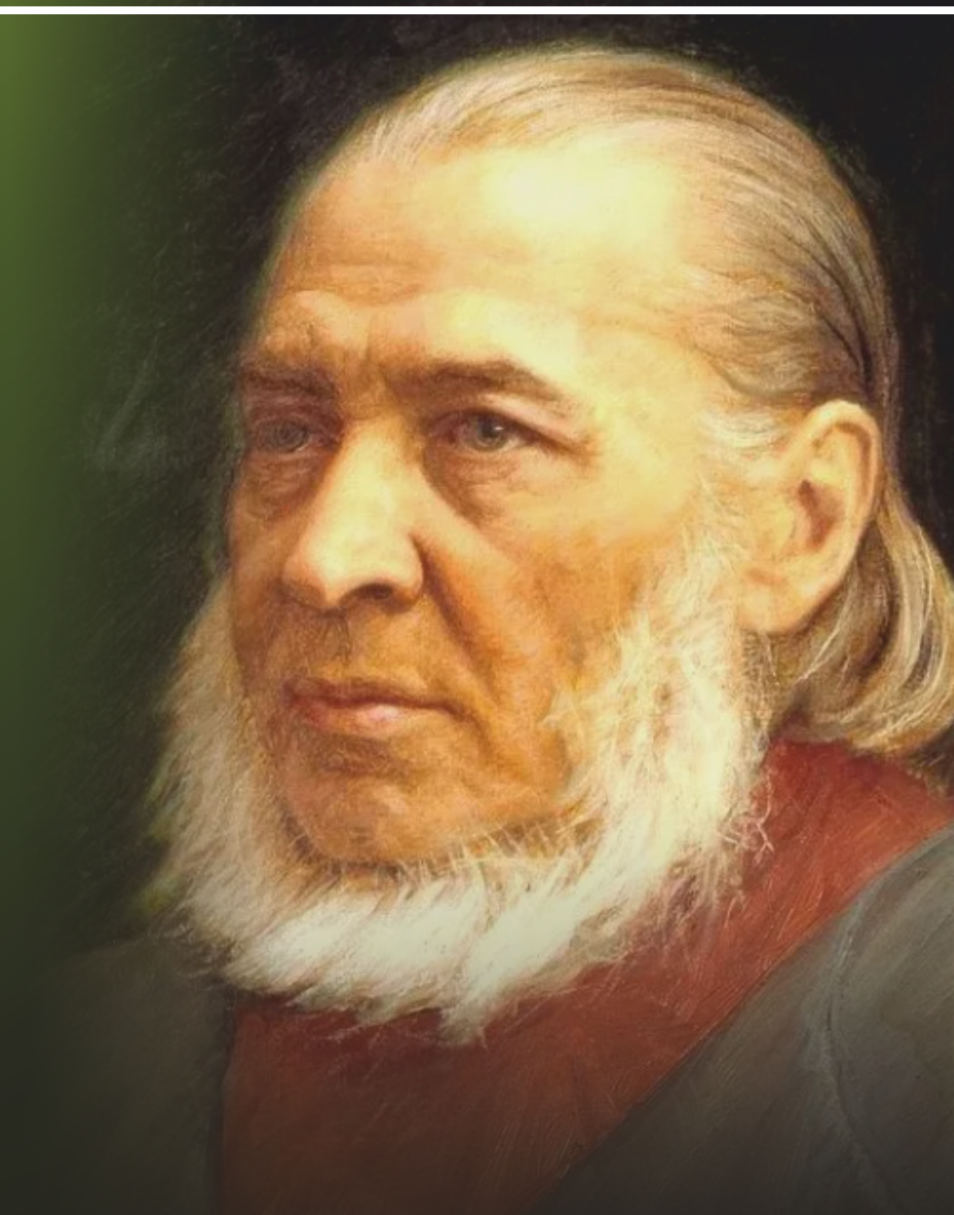
Ново-Аксаково

От отца Аксаков

природа, он

человек

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

235 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
1 октября 2026 г.

АКСАКОВ
СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ
1791-1859 гг.

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Выпуск: 10(148)

Октябрь 2026 г.

Новосибирск
2026

ББК 71+80/85

U55

Главный редактор журнала:

Лебедева Надежда Анатольевна – д-р философии в области культурологии.

Редакционная коллегия:

Акчурина-Муфтиева Нурия Мунировна – д-р искусствоведения, проф.;

Аль-Мугаммай Аззам Ахмад Джума – канд. филол. наук, доц.;

Варакина Галина Владиславовна – д-р культурологии, доц.;

Гринев-Гриневич Сергей Викторович – д-р филол. наук, проф.;

Искандарова Гульнара Рифовна – д-р филол. наук, доц.;

Каминская Елена Альбертовна – д-р культурологии, канд. пед. наук, проф.;

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, проф.;

Кульпина Валентина Григорьевна – д-р филол. наук, доц.;

Личак Наталия Алексеевна – д-р культурологии, доц.;

Мерешкова Хэди Рашидовна – канд. филол. наук, доц.;

Павенков Олег Владимирович – канд. филос. наук, доц.;

Прокофьева Лариса Петровна – д-р филол. наук, доц.;

Радь Эльза Анисовна – д-р филол. наук, доц.;

Романчук Любовь Анатольевна – канд. филол. наук;

Сидорова Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.;

Тищенко Наталья Викторовна – д-р культурологии, доц.;

Тупикова Светлана Евгеньевна – канд. филол. наук, доц.;

Улитова Анастасия Сергеевна – канд. филол. наук;

Файзуллина Найля Ивановна – д-р филол. наук, доц.;

Хуако Фатимет Нальбиевна – д-р филол. наук, проф.;

Шамина Людмила Алексеевна – д-р филол. наук;

Шаронова Елена Александровна – д-р филол. наук, проф.;

Щукина Вероника Александровна – канд. филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение : электронный научный журнал. — № 10(148). — Новосибирск : Изд-во «Юниверсум», 2026. — 64 с. — Текст : электронный. — URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/category/10148> (дата публикации: 21.10.2026).

ISSN 2311-2859

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.148.10

Учредитель и издатель: ООО «Юниверсум»

© ООО «Юниверсум», 2026 г.

Содержание

Статьи на русском языке

Языкознание

Теория языка и общее языкознание

- Грамматические формы как средство выражения прагматических значений в русском и узбекском языках 4

Мусаева Барно Муминжоновна

- Грамматика ценностей: несовершенный вид в русских пословицах 15

Рузиева Зилола Мустафаевна

Литература и смежные дисциплины

Русская литература

- Мотив пути в поэме А.И. Одоевского «Василько» 28

Власова Злата Андреевна

Искусствоведение

Кино, телевидение и экранные искусства

- Развлекательные телепрограммы 1990-х годов как феномен переходной медиакультуры: жанровая типология и визуальный язык эпохи 38

Алексеев Кирилл Александрович

Цифровые методы

Цифровые технологии в гуманитарных исследованиях

- Алгоритмическая интерференция в обучении РКИ: псевдонормативные модели русской речи в условиях генеративного ИИ 53

Камалова Дилафруз Туймурод кизи

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Статья поступила в редакцию: 02.10.2026

Статья принята к публикации: 07.10.2026

Статья опубликована: 21.10.2026

УДК 811.161.1'36:811.512.133'36

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.148.10.23513

Грамматические формы как средство выражения прагматических значений в русском и узбекском языках

Мусаева Барно Муминжоновна

ст. преп. кафедры русского языка и литературы

Навоийский государственный университет

Республика Узбекистан, г. Навои

E-mail: barnomusayeva947@gmail.com

Grammatical forms as a means of expressing pragmatic meanings in Russian and Uzbek

Musaeva Barno Muminjonovna

senior Lecturer of the Department of Russian Language and Literature Navoi State University

Uzbekistan, Navoi

Аннотация

В статье рассматривается роль грамматических форм в передаче прагматического содержания в русском и узбекском языках. Цель исследования заключается в выявлении прагматических возможностей грамматических форм русского и узбекского языков и определении их роли в передаче намерения говорящего, отношения к собеседнику и особенностей речевой ситуации. Материалом послужили конструкции современного русского и узбекского языков, содержащие формы лица, числа, времени, наклонения, падежа и принадлежности. В ходе исследования использовались сопоставительный, контекстуальный и функционально-семантический методы. Анализ языкового материала показывает, что одна и та же грамматическая форма в разных речевых условиях может

Библиографическое описание: Мусаева Б.М. Грамматические формы как средство выражения прагматических значений в русском и узбекском языках // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23513>

выполнять неодинаковые функции. Множественное число, например, используется для выражения уважения, первое лицо множественного числа способно смягчать побуждение, условные формы помогают сделать просьбу менее категоричной, а формы принадлежности передают не только отношение обладания, но и значение сопричастности. При этом русский и узбекский языки нередко выражают близкое коммуникативное содержание разными средствами. Наиболее заметно это проявляется в уважительном обращении, выражении принадлежности и определённости объекта. Учет таких различий необходим при сопоставлении двух языков, в переводе и в практике их преподавания.

Abstract

The paper examines the role of grammatical forms in conveying pragmatic meaning in Russian and Uzbek. The aim of the study is to identify the pragmatic potential of grammatical forms in Russian and Uzbek and to determine their role in conveying the speaker's intention, attitude toward the interlocutor, and specific features of the speech situation. The material includes constructions of contemporary Russian and Uzbek containing forms of person, number, tense, mood, case and possession. Comparative, contextual and functional-semantic methods are used. The analysis shows that the same grammatical form may perform different functions under different communicative conditions. Plural forms, for example, may express respect; the first-person plural may soften an instruction; conditional forms may make a request less categorical; and possessive forms may convey not only possession but also a sense of affiliation. Russian and Uzbek often express similar communicative meanings by different grammatical means. This is particularly evident in polite forms of address, possession and object definiteness. These differences should be taken into account in comparative studies, translation and language teaching.

Ключевые слова: грамматическая форма, прагматика, речевая ситуация, категория лица, наклонение, вежливость, русский и узбекский языки.

Keywords: grammatical form, pragmatics, speech situation, person, mood, politeness, Russian and Uzbek languages.

Введение

В повседневной речи человек обычно не задумывается, почему в одном случае он говорит «ты», а в другом – «Вы», почему прямое «сделайте» иногда заменяет на «давайте сделаем», а вместо «повторите» выбирает более мягкое «не могли бы Вы повторить?». С точки зрения грамматики перед нами разные формы и конструкции. Но для общения не менее важно другое: каждая из них по-разному выстраивает отношения между говорящим и собеседником.

Именно здесь грамматика тесно соприкасается с прагматикой. Значение формы уже нельзя объяснить только категориями лица, числа, времени или наклонения. Приходится учитывать, кто говорит, к кому обращена речь, насколько близки собеседники, какова ситуация и какого результата хочет добиться говорящий. В современной прагмалингвистике эти факторы рассматриваются как существенная часть анализа речевого общения [1, с. 145].

Такой взгляд позволяет иначе подойти и к самой грамматике. Важно не только то, какое значение закреплено за формой в языковой системе, но и то, что происходит с этим значением в конкретном высказывании. Часть смысла может прямо не называться, однако собеседник без труда восстанавливает её из контекста, выбранной конструкции и предполагаемого намерения говорящего. На взаимодействии семантического содержания и прагматической интерпретации строятся многие случаи не прямой коммуникации [4, с. 139].

При сопоставлении русского и узбекского языков эта сторона грамматики особенно заметна. Оба языка позволяют выразить уважение, просьбу, требование, дистанцию, близость, уверенность или сомнение, но грамматическое оформление этих значений не всегда совпадает.

Причина отчасти связана с устройством самих языков. В русском языке одна словоформа может совмещать несколько грамматических характеристик. В узбекском языке грамматические показатели чаще последовательно присоединяются к основе. Поэтому значения лица, числа, принадлежности и падежа получают более отчётливое аффиксальное выражение.

Вместе с тем различие в строении языков не мешает им решать сходные коммуникативные задачи. Русское «*Давайте начнём*» и узбекское «*Keling, boshlaymiz*» построены неодинаково, но в обычной ситуации обе конструкции помогают пригласить собеседника к совместному действию, не превращая побуждение в жёсткий приказ.

Для узбекского языкознания обращение к подобным явлениям также становится всё более актуальным. При прагмалингвистическом анализе учитываются речевая ситуация, личность участников общения, коммуникативная стратегия и намерение говорящего [11, с. 134]. Исследование узбекского глагола показывает, что его формы могут передавать не только собственно грамматическое содержание, но и социальные, стилистические и коммуникативные оттенки [6, с. 50].

В данной работе под прагматическим значением понимается дополнительный смысл, который возникает у грамматической формы в определённой ситуации общения и связан с отношением говорящего к собеседнику, сообщаемому или самому речевому действию.

Цель исследования – рассмотреть, как грамматические формы русского и узбекского языков участвуют в передаче прагматических значений, и определить сходства и различия в их употреблении. Для этого необходимо обратиться к формам лица и числа, проследить их роль в выражении уважения и социальной дистанции, рассмотреть прагматические возможности наклонения и времени, а также сопоставить отдельные падежные и притяжательные конструкции двух языков.

Материалы и методы

Материал исследования составили конструкции современного русского и узбекского языков, употребляемые в бытовой, учебной и официальной речи. В первую очередь рассматривались примеры, в которых грамматического значения формы недостаточно для полного понимания того, что хочет сказать говорящий.

Возьмём простую фразу преподавателя: - *Мы сейчас открываем тетради*. Формально здесь использовано первое лицо множественного числа. Но преподаватель может и не совершать обозначенное действие. Фактически его слова адресованы учащимся и означают примерно то же, что «*Откройте тетради*». Если анализировать только грамматическое лицо, эта особенность останется за пределами описания.

Поэтому основным в работе стал сопоставительный анализ, при котором сравнивались не отдельные окончания или аффиксы, а способы их функционирования в речи. Для русского и узбекского языков такой подход удобен ещё и потому, что одна коммуникативная задача нередко решается формально разными средствами.

Контекстуальный анализ использовался там, где интерпретация формы непосредственно зависела от ситуации. Функционально-семантический анализ позволил сопоставить конструкции, различные по своему строению, но близкие по выполняемой функции. Такой подход соответствует прагмалингвистическому пониманию речи, при котором значение языковой единицы рассматривается вместе с коммуникативной ситуацией и намерениями участников общения [11, с. 134–135].

При разборе примеров учитывались сама грамматическая форма, условия её употребления, намерение говорящего и тот смысл, который получает высказывание для адресата.

Результаты и обсуждение

Формы лица и числа в общении. Связь грамматики с отношениями между собеседниками особенно хорошо видна на примере личных форм.

Русские местоимения «*ты* и *Вы*» указывают на адресата, однако их употребление определяется не только категорией числа. При обращении к одному человеку возможны обе формы: *Ты уже прочитал документ?*

Вы уже ознакомились с документом? В обоих случаях речь идёт об одном адресате, однако выбор местоимения отражает характер отношений между собеседниками. Форма «*Вы*» обычно используется для выражения уважения, в официальном общении или при сохранении определённой дистанции между участниками разговора.

Очень близкое противопоставление существует в узбекском языке: *Sen keldingmi? Siz keldingizmi?* Обе фразы могут быть адресованы одному человеку. Во втором случае уважительное отношение выражается не только местоимением «*siz*», но и формой сказуемого «*keldingiz*». Получается, что множественность здесь перестаёт быть только количественной характеристикой. Грамматическая форма начинает показывать, как говорящий воспринимает свои отношения с адресатом.

В узбекской речи подобные функции морфологических средств проявляются довольно отчётливо. Формы глагола способны передавать особенности речевого поведения и социальные отношения участников коммуникации [6, с. 50–52].

Если формы второго лица позволяют передать характер отношений между собеседниками, то первое лицо множественного числа может выполнять несколько иную прагматическую функцию. Например, на уроке преподаватель говорит: «*Открываем тетради*». Формально говорящий включает в действие и себя, хотя фактически побуждение

адресовано учащимся. По сравнению с прямой формой «Откройте тетради» такое высказывание звучит менее категорично и создаёт ощущение совместного действия. Тем самым выбор грамматического лица становится одним из способов смягчения побуждения.

Похожую ситуацию можно наблюдать в узбекском языке: «*Daftarlarni ochamiz*». Сравним также: «Начинаем работать» – «*Ishni boshlaymiz*». «Записываем тему» – «*Mavzuni yozamiz*». В таких репликах говорящий не отделяет себя от слушателей, а как бы присоединяется к ним. За счёт этого обычное грамматическое «мы» получает дополнительный оттенок совместности.

Повелительная форма: приказ, просьба или приглашение? Если исходить только из грамматического определения, повелительное наклонение обозначает побуждение к действию. Однако в разговоре одного этого определения недостаточно. Сравним: *Уйдите отсюда. Проходите. Возьмите ещё конфет. Позвоните мне, пожалуйста*. Форма глагола во всех случаях повелительная, но первое высказывание может быть приказом, второе – приглашением, третье – предложением, четвертое – просьбой.

То же можно увидеть в узбекском языке: *Kiring*. – «*Входите*». *O'tiring*. – «*Садитесь*». *Oling*. – «*Возьмите*». *Ayting*. – «*Скажете*».

Когда хозяин дома говорит гостю «*Kiring, o'tiring*», трудно воспринимать эти слова как приказ. В данной ситуации они выражают приглашение и вежливое отношение к гостю.

Меняется и оттенок при выборе формы: «*Kel!*», «*Keling!*». Обе формы связаны с одним действием, однако «*keling*» позволяет обратиться к одному человеку уважительно. В русском языке функционально близкое различие можно увидеть в паре: «*Приходи!*», «*Приходите!*».

Следовательно, сама повелительная форма ещё не говорит нам, имеем ли мы дело с приказом, просьбой, советом или приглашением. Это становится понятно только в конкретной ситуации. Такой переход от буквального содержания формы к подразумеваемому коммуникативному смыслу непосредственно связан с механизмами прагматической интерпретации [4, с. 140].

Почему просьба становится мягче. Особенно заметно влияние грамматического выбора в просьбах. Допустим, человеку нужно, чтобы собеседник повторил сказанное. Он может произнести: «*Повторите*». Можно добавить: «*Повторите, пожалуйста*». Но возможен и другой вариант: «*Не могли бы Вы повторить?*»

Последняя фраза построена как вопрос. Если понимать её буквально, говорящий спрашивает, способен ли собеседник повторить сказанное. На практике ответ «*Да, мог бы*» без самого повторения выглядел бы странно. Адресат понимает, что перед ним просьба.

В современном русском языке вопросительные и модальные конструкции действительно активно используются для оформления косвенных просьб. Их выбор связан в том числе с желанием уменьшить давление на адресата [12, с. 151].

С этим же связано употребление частицы бы: «*Я хотел бы уточнить*». «*Не могли бы Вы объяснить ещё раз?*» «*Было бы хорошо обсудить этот вопрос*». Желаемое действие не предъявляется как прямое требование. Оно как будто переводится в область возможности, и просьба звучит мягче.

Узбекская речь также позволяет использовать условную форму для подобного эффекта: «Aytsangiz...», «Ko'rib chiqsangiz...». В подходящей ситуации собеседник воспринимает эти формы не просто как обозначение условия, а как вежливое «*скажите, пожалуйста*» или «*посмотрите, пожалуйста*». Здесь хорошо видно, как грамматическое значение становится основой другого, уже прагматического смысла.

В грамматике категория времени обычно рассматривается через отношение действия к моменту речи. Однако в реальном общении выбор временной формы может зависеть и от того, как говорящий представляет событие. Например:

«Завтра я уезжаю».

Действие относится к будущему, однако выражено формой настоящего времени. В данном случае эта форма позволяет представить отъезд как заранее намеченное и уже определённое событие.

Иная ситуация наблюдается в высказывании:

«Захожу я вчера в аудиторию и вижу...»

Событие относится к прошлому, но рассказчик использует формы настоящего времени. Такой приём приближает описываемое событие к моменту повествования и делает рассказ более непосредственным и динамичным.

В этих случаях грамматическое время не только указывает на соотношение события с моментом речи, но и позволяет говорящему определённым образом представить его собеседнику. Выбор временной формы позволяет представить событие как заранее намеченное, приблизить его к моменту речи или придать рассказу большую выразительность.

В современных лингвистических исследованиях также обращается внимание на то, что грамматические формы позволяют по-разному представить одно и то же событие [8, с. 15].

В узбекском языке система временных форм имеет свои особенности, однако их употребление также не ограничивается указанием на время действия. Например, в высказывании «*Ertaga Toshkentga ketyarman*» («*Завтра я еду в Ташкент*») используется форма настоящего времени «*ketyarman*», хотя действие относится к будущему. В данном случае форма не просто указывает на действие, а позволяет представить поездку как уже намеченную и достаточно определённую. Прагматическое значение проявляется именно в том, как говорящий представляет будущее событие собеседнику – не как отвлечённую возможность, а как принятое решение или имеющийся план. Здесь выбор временной формы зависит не только от времени действия, но и от того, какой смысл говорящий хочет передать собеседнику. Подобное употребление узбекских глагольных форм с учётом ситуации общения рассматривается и в современных исследованиях [6, с. 50].

Падеж и конкретизация объекта. Различия между русским и узбекским языками отчётливо проявляются в оформлении прямого объекта. В узбекском языке его падежная форма может быть связана со степенью определённости. Сравним: «*kitob o'qidim*», «*kitobni o'qidim*». Во втором примере существительное «*kitob*» получает показатель винительного падежа **-ni**. Форма «*kitobni*» обычно обозначает конкретный, определённый объект – например, книгу, которая уже упоминалась в разговоре или известна собеседникам. В конструкции «*kitob o'qidim*» объект представлен менее определённо.

В русском языке подобное различие не имеет такого же морфологического выражения. В предложении «Я прочитал книгу» существительное книгу стоит в винительном падеже независимо от того, известна эта книга собеседнику или упоминается впервые. Если необходимо подчеркнуть её определённую, используются дополнительные средства, например указательное местоимение:

Я прочитал эту книгу.

Итак, сходное содержание в двух языках оформляется по-разному: в узбекском языке определённость прямого объекта может выражаться морфологически при помощи показателя **-ni**, тогда как в русском языке она чаще определяется контекстом или уточняется лексически.

При этом функции падежа не сводятся только к формальному выражению синтаксической связи. Исследования русского материала показывают, что падежные формы могут быть связаны и со способом представления участников ситуации в дискурсе [8, с. 15]. Это важно учитывать при сопоставлении языков: близкое коммуникативное содержание не обязательно предполагает одинаковый грамматический способ его выражения.

Прагматические функции форм принадлежности. В узбекском языке принадлежность выражается с помощью специальных аффиксов: *kitobim* – моя книга; *kitobingiz* – Ваша книга; *uyimiz* – наш дом; *universitetimiz* – наш университет.

В русском языке те же отношения обычно передаются сочетанием притяжательного местоимения с существительным. Однако и в русском, и в узбекском языке значение принадлежности не всегда сводится к обладанию каким-либо предметом. Например, «сочетания *наш университет*» и «*universitetimiz*» не означают, что университет принадлежит говорящему. В данном случае речь идёт о его принадлежности к определённому сообществу, о связи человека с учреждением, в котором он учится или работает.

Подобный смысл возникает и в других сочетаниях: *наш город* – *shahrimiz*; *наша страна* – *tamlakatimiz*; *наша школа* – *maktabimiz*. В таких случаях значение принадлежности становится шире: говорящий подчёркивает свою связь с определённым сообществом.

Показательна и узбекская форма «*kitobingiz*». Она обозначает принадлежность книги адресату, но одновременно содержит показатель *-ingiz*, связанный с уважительным обращением. Поэтому одна словоформа может не только называть отношение принадлежности, но и передавать характер отношений между участниками общения. Такое употребление показывает, что прагматический смысл грамматической формы раскрывается только в контексте и во взаимодействии с конкретной речевой ситуацией [11, с. 134].

Одна коммуникативная цель – разные способы её выражения. Одна и та же коммуникативная задача может быть оформлена по-разному в зависимости от того, насколько прямо говорящий намерен воздействовать на собеседника. Например, если необходимо попросить коллегу завершить работу сегодня, возможны несколько вариантов: «Сделайте это сегодня», «Вы могли бы сделать это сегодня?», «Давайте постараемся сделать это сегодня». Практическая цель этих высказываний близка, однако степень категоричности различается. Форма «Сделайте» выражает побуждение наиболее прямо. Вопросительная конструкция «Вы могли бы сделать это сегодня?» позволяет представить требуемое действие

как возможность и тем самым смягчить просьбу. В варианте «Давайте постараемся сделать это сегодня» говорящий формально включает себя в совместное действие, благодаря чему побуждение воспринимается менее категорично.

Сходные способы выражения можно наблюдать и в узбекском языке: «*Bugun qiling. Bugun qilib bera olasizmi? Keling, bugun bajarishga harakat qilamiz*». Здесь также меняется не сама коммуникативная цель, а способ её выражения и степень воздействия на адресата.

Исследования русских конструкций просьбы показывают, что модально-вопросительные формы могут использоваться для косвенного побуждения и снижения категоричности [12, с. 151]. В подобных случаях буквальное содержание предложения не полностью совпадает с его реальной коммуникативной функцией [4, с. 139].

Таблица 1. Грамматические формы и их возможные функции в общении

Грамматическая форма	Русский язык	Узбекский язык	Возможное значение в речи
Первое лицо множественного числа	Начинаем работу	Ishni boshlaymiz	совместность, смягчение побуждения
Второе лицо множественного числа	Вы сделали?	Siz qildingizmi?	уважение, социальная дистанция
Императив	Проходите	Kiring	приглашение
Императив	Сделайте сегодня	Bugun qiling	прямое побуждение
Условная (модальная) форма	Не могли бы Вы...	...qilsangiz	смягчение просьбы
Форма принадлежности	наш университет	universitetimiz	Принадлежность к сообществу
Оформление объекта	эту книгу	kitobni	конкретизация объекта

Приведённые примеры показывают, что одна грамматическая форма не всегда связана только с одной прагматической функцией. Её значение может меняться в зависимости от ситуации общения, отношений между собеседниками и цели высказывания.

Например, «*Проходите!*» может звучать как доброжелательное приглашение, а «*Проходите быстрее!*» – уже как настойчивое требование. Узбекское «*O'tiring*» также может передавать разные оттенки: его восприятие зависит от того, кто говорит, к кому обращены эти слова и в какой ситуации происходит общение.

Прагматическое значение нельзя определить только по самой грамматической форме. Чтобы понять смысл высказывания, необходимо учитывать контекст, отношения между собеседниками и намерение говорящего. Именно поэтому в прагмалингвистике языковая единица рассматривается в связи с условиями, в которых она употребляется [1, с. 145].

Это особенно важно при изучении второго языка. Недостаточно знать, как образуются узбекское «*keling*» или «*русское*» приходите. Важно понимать, когда уместно сказать «*kel*», а когда – «*keling*», почему выражение «не могли бы Вы...» воспринимается как вежливая просьба и чем «давайте сделаем» отличается от более прямого «сделайте».

В этом случае грамматика предстаёт не просто как набор форм и правил, а как средство, с помощью которого говорящий выражает своё намерение и выстраивает общение с собеседником.

Заключение

Рассмотренные примеры показывают, что грамматические формы русского и узбекского языков в речи приобретают дополнительные прагматические значения. Их выбор зависит от ситуации общения, намерения говорящего и характера отношений между собеседниками.

Особенно заметно это в формах лица, числа, наклонения и принадлежности. Первое лицо множественного числа может создавать ощущение совместного действия и смягчать побуждение, форма множественного числа при обращении к одному человеку – выражать уважение или дистанцию. Императив, условные и модальные конструкции позволяют передавать просьбу, приглашение, совет или требование с разной степенью категоричности.

В русском и узбекском языках сходные коммуникативные намерения нередко выражаются разными грамматическими средствами. Это важно учитывать при переводе и преподавании языков, поскольку формально близкие конструкции не всегда передают одинаковые смысловые оттенки.

Сопоставление двух языков показывает, что грамматика служит не только для построения высказывания, но и помогает говорящему выражать своё намерение, отношение к собеседнику и особенности конкретной ситуации общения.

Список литературы

1. Арланова Т.Л. Объект лингвистической прагматики и аспекты современных прагматических исследований // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 144–151. – DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-144-151.
2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
4. Киклевич А.К. Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой // Russian Journal of Linguistics. – 2022. – Т. 26, № 1. – С. 139–161. – DOI: 10.22363/2687-0088-26538.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1998. – 272 с.
6. Тошпулатов А.М., Мирзохидова М.И. Toshpo‘latov A.M., Mirzohidova M.I. Pragmatic features of verbs in Uzbek language // JournalNX: A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal. – 2023. – Т. 9, № 7. – P. 50–56. – DOI: 10.17605/OSF.IO/U2RW7.
7. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 264 P.
8. Janda L.A., Fidler M., Cvrček V., Obukhova A. The case for case in Putin’s speeches // Russian Linguistics. – 2023. – Т. 47. – P. 15–40. – DOI: 10.1007/s11185-022-09269-2.
9. Kolyaseva A. The divergent paths of pragmaticalization: The case of the Russian particles *tipa* and *vrode* // Journal of Pragmatics. – 2022. – Т. 201. – P. 181–196. – DOI: 10.1016/j.pragma.2021.08.003.

10. Tsoy E. Functions of Russian verb-derived discourse markers *slušaj* and *smotri* from the perspective of information management and interpersonal regulation // *Journal of Pragmatics*. – 2022. – T. 193. – P. 105–121. – DOI: 10.1016/j.pragma.2022.03.010.
11. Xamidov A.K. O‘zbek tilshunosligida pragmalingvistikaning tadrijiy taraqqiyoti // *Tamaddun Nuri*. – 2024. – № 11 (62).
12. Zhamaletdinova E. The trajectory of the “*Možno ja X?*” construction: variation in speech acts of request in contemporary Russian // *Russian Linguistics*. – 2022. – T. 46. – P. 133–164. – DOI: 10.1007/s11185-022-09265-6.

References

1. Arlanova T.L. Ob«ekt lingvisticheskoy pragmatiki i aspekty sovremennykh pragmaticheskikh issledovaniy [The object of linguistic pragmatics and aspects of contemporary pragmatic research]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 2022. Vol. 28, no. 2. P. 144–151. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-144-151. (In Russ.).
2. Bondarko A.V. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. 348 P. (In Russ.).
3. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [The Russian Language: Grammatical Theory of the Word]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk, 2001. 720 P. (In Russ.).
4. Kiklevich A.K. Tipologiya pragmaticheskikh implikatsiy s točki zreniya vzaimodeystviya mezhdu pragmatikoy i semantikoy [Typology of pragmatic implications from the perspective of interaction between pragmatics and semantics]. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26, no. 1. P. 139–161. DOI: 10.22363/2687-0088-26538. (In Russ.).
5. Maslov Yu.S. Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to Linguistics]. 3rd ed. Moscow: Vysshaya shkola, 1998. 272 P. (In Russ.).
6. Toshpo‘latov A.M., Mirzohidova M.I. Toshpo‘latov A.M., Mirzohidova M.I. Pragmatic features of verbs in Uzbek language. *JournalNX: A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal* // *JournalNX: A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal*. – 2023. – Vol. 9, No. 7. – P. 50–56. – DOI: 10.17605/OSF.IO/U2RW7.
7. Comrie B. *Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology*. 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 264 P.
8. Janda L.A., Fidler M., Cvrček V., Obukhova A. The case for case in Putin’s speeches. *Russian Linguistics*. 2023. Vol. 47. P. 15–40. DOI: 10.1007/s11185-022-09269-2.
9. Kolyaseva A. The divergent paths of pragmaticalization: The case of the Russian particles *tipa* and *vrode* // *Journal of Pragmatics*. – 2022. – Vol. 201. – P. 181–196. – DOI: 10.1016/j.pragma.2021.08.003.
10. Tsoy E. Functions of Russian verb-derived discourse markers *slušaj* and *smotri* from the perspective of information management and interpersonal regulation // *Journal of Pragmatics*. – 2022. – Vol. 193. – P. 105–121. – DOI: 10.1016/j.pragma.2022.03.010.

-
11. Xamidov A.K. O‘zbek tilshunosligida pragmalingvistikaning tadrijiy taraqqiyoti [Gradual development of pragmalinguistics in Uzbek linguistics]. Tamaddun Nuri. 2024. No. 11 (62). P. 133–135.
 12. Zhamaletdinova E. The trajectory of the “Možno ja X?” construction: variation in speech acts of request in contemporary Russian. Russian Linguistics. 2022. Vol. 46. P. 133–164. DOI: 10.1007/s11185-022-09265-6.

Статья поступила в редакцию: 10.10.2026

Статья принята к публикации: 15.10.2026

Статья опубликована: 21.10.2026

УДК 811.161.1'366.58:398.9

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.148.10.23563

Грамматика ценностей: несовершенный вид в русских пословицах

Рузиева Зилола Мустафаевна

д-р филос. по филол. наукам (PhD) доц.

Навоийский государственный университет

Республика Узбекистан, г. Навои

ORCID: 0009-0001-3568-5340

E-mail: zi101ruzieva@gmail.com

The grammar of values: imperfective aspect in Russian proverbs

Ruziyeva Zilola Mustafayevna

doctor of Philosophy (PhD)

in Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature

Navoi State University

Uzbekistan, Navoi

Аннотация

Цель данного исследования заключается в том, чтобы детально выявить, какие именно грамматические и семантические значения глаголов несовершенного вида (НСВ) позволяют русской паремии эффективно превращать единичную, частную житейскую ситуацию в универсальную, устойчивую нравственную норму.

Материал и методы. В работе анализируется репрезентативная выборка из 39 паремий, которые относятся к пяти фундаментальным ценностным полям (труд, добро и зло, правда, дружба и общность, мудрость и учение) и извлечены из авторитетных классических сборников В.И. Даля и В.П. Аникина. Методологическую базу исследования составили комплексный аспектологический и функционально-семантический анализ, подстановочный трансформационный тест, а также глубокая лингвоаксиологическая интерпретация.

Результаты. Автором выделены четыре продуктивные модели видового оформления ценностного высказывания: гномическое настоящее время, неограниченно-кратное значение, процессно-нормативная модель, включающая императив и инфинитив, а также модель «процесс – результат». В последней модели НСВ задаёт фоновую поведенческую норму, тогда как совершенный вид фиксирует неизбежное следствие.

Библиографическое описание: Рузиева З.М. Грамматика ценностей: несовершенный вид в русских пословицах // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23563>

Выводы. Сделан вывод о том, что НСВ придаёт паремии вневременной нормативный статус, однако итоговый ценностный смысл возникает в результате тесного взаимодействия видов, лексики и синтаксиса. Результаты применимы в паремиологии, лингвокультурологии и преподавании русского языка как иностранного.

Abstract

Abstract. The purpose of this study is to identify in detail which specific grammatical and semantic meanings of imperfective verbs enable Russian paremiology to effectively transform a single, private everyday situation into a universal, stable moral norm.

Material and methods. The paper analyzes a representative sample of 39 paremiology belonging to five fundamental value domains (labor, good and evil, truth, friendship and community, wisdom and learning) extracted from the authoritative classical collections by V.I. Dal and V.P. Anikin. The methodological framework of the research includes a comprehensive aspectological and functional-semantic analysis, a substitutional transformational test, as well as an in-depth linguo-axiological interpretation.

Results. The author identifies four productive models of aspectual framing for value statements: the gnomic present tense, the unlimited-multiple meaning, the process-normative model (including the imperative and infinitive), and the «process – result» model. In the latter model, the imperfective verb establishes a background behavioral norm, while the perfective verb records an inevitable consequence.

Conclusions. It is concluded that while the imperfective aspect endows the paremia with a timeless normative status, the ultimate axiological meaning emerges from the close interaction of verbal aspects, vocabulary, and syntax. The findings are applicable in paremiology, linguoculturology, and the teaching of Russian as a foreign language.

Ключевые слова: несовершенный вид, аспектология, паремия, гномическое настоящее, аксиология, ценности, лингвокультурология.

Keywords: imperfective aspect, aspectology, proverb, gnomic present, axiology, values, linguoculturology.

Введение

Пословица – один из наиболее устойчивых способов хранения и передачи коллективного опыта. Короткое, замкнутое и воспроизводимое высказывание фиксирует не отдельное событие, а типовую ситуацию и связанную с ней оценку (Пермяков, 1970; Мокиенко, Никитина, 2022). Именно поэтому паремии давно рассматриваются как источник сведений о ценностных ориентирах народа: в них закреплено, что считается должным, допустимым и недопустимым (Телия, 1996; Маслова, 2001). Зарубежная паремиология подчёркивает ту же особенность: пословица подаётся как общеизвестная истина, которая не нуждается в доказательстве и применима к множеству ситуаций (Dundes, 1975; Mieder, 2004).

Ценностная проблематика паремий изучается преимущественно на лексическом уровне. Исследователи описывают ключевые слова-концепты (Степанов, 2004; Wierzbicka, 1997), выстраивают иерархию ценностей в пословичном фонде одного или нескольких языков

(Нелюбова и др., 2019), определяют аксиологические доминанты славянских паремий (Мокиенко, Никитина, 2022) и систематизируют современные подходы к анализу пословиц (Бредис и др., 2020). Между тем нравственная норма в пословице выражается не только словами «труд», «добро» или «правда», но и грамматической формой, в которую облечено высказывание.

Возможность такого взгляда обоснована тезисом о том, что обязательные грамматические значения участвуют в языковой концептуализации мира (Булыгина, Шмелев, 1997). Одной из самых значимых для русского языка является категория вида. Её природа, функционально-семантическое поле аспектуальности и типология видовых значений подробно описаны в работах В.В. Виноградова (2001), Ю.С. Маслова (1984), А.В. Бондарко (1987), Е.В. Падучевой (1996), М.Ю. Чертковой (1996), А.А. Зализняк и А.Д. Шмелева (2000), Е.В. Петрухиной (2000). В общелингвистической перспективе несовершенный вид трактуется как категория, объединяющая длительные и хабитуальные (повторяющиеся) значения (Comrie, 1976). Однако видовая семантика пословиц, насколько нам известно, редко становилась самостоятельным предметом исследования с позиций аксиологии: аспектологические и лингвокультурологические описания остаются в значительной мере параллельными.

Несовершенный вид в русском языке является немаркированным (слабым) членом видовой оппозиции: он не указывает на достижение предела действия и поэтому способен выражать процесс, повторяемость, постоянное свойство и обобщённый факт в зависимости от контекста (Маслов, 1984; Бондарко, 1987; Зализняк, Шмелев, 2000). Именно эта семантическая гибкость делает НСВ потенциально пригодным для создания высказываний, не привязанных к моменту речи. Совершенный вид, напротив, связан с целостным, ограниченным пределом действием и, как принято считать, менее характерен для обобщающих суждений. Такое допущение требует проверки: в пословичном материале СВ встречается достаточно часто, а значит, роль НСВ нельзя считать единственной.

Научная проблема состоит в недостаточной изученности того, как именно видовые значения участвуют в формировании ценностного смысла пословицы. Гипотеза исследования: НСВ является основным, но не единственным грамматическим средством придания пословице нормативного статуса; ценностный смысл формируется во взаимодействии несовершенного и совершенного видов, при котором НСВ задаёт норму поведения (процесс), а СВ – её закономерное следствие (результат). Цель статьи – описать аспектуальные модели репрезентации ценностей в русских пословицах. Для её достижения решаются следующие задачи: 1) сформировать выборку паремий пяти ценностных полей; 2) определить видовые значения глаголов и сгруппировать пословицы по моделям; 3) проверить выделенные модели с помощью подстановочного теста; 4) интерпретировать результаты с учётом роли СВ, лексики и синтаксической рамки.

Материал и методы

Материалом послужила выборка из 39 русских пословиц и поговорок, извлечённая из сборников В.И. Даля (1984) и В.П. Аникина (1988). Критерии отбора: 1) в паремии есть хотя бы одна глагольная форма (финитная, инфинитив или деепричастие); 2) паремия относится к одному из пяти ценностных полей – «труд», «добро / зло», «правда / истина», «дружба /

общность», «мудрость / учение» – по тематике и ключевым словам; 3) паремия узнаваема и употребительна; 4) в выборку намеренно включены контрольные примеры с глаголами СВ, чтобы проверить гипотезу на фоне противоположной видовой формы. Паремии без глагола (например, «Ученье – свет, а неученье – тьма») не включались, так как видовая семантика в них не выражена.

Выборка является целенаправленной и иллюстративной, а не репрезентативной по частоте. Поэтому количественные данные, приведённые ниже, используются для описания структуры материала и не претендуют на выводы о частотности видовых форм во всём паремиологическом фонде.

Исследование опирается на функционально-семантический подход к грамматическим категориям (Бондарко, 1987) и типологию видовых значений (Маслов, 1984; Зализняк, Шмелев, 2000). Применялись следующие методы:

- *аспектологический анализ* – определение вида, формы (наклонение, время, лицо, число) и видового значения каждой глагольной формы в паремии;
- *функционально-семантический анализ* – выявление совокупного значения высказывания с учётом синтаксической рамки (обобщённо-личные конструкции, местоименно-соотносительные предложения типа «кто... тот...», отрицание);
- *подстановочный (трансформационный) тест* – замена глагола НСВ видовым коррелятом СВ и оценка того, как меняется значение и жанровый статус высказывания; трансформированные формы являются конструируемыми контрпримерами, а не паремиями;
- *лингвоаксиологический анализ* – отнесение паремии к ценностному полю и описание нормативного смысла, который она выражает (Телия, 1996; Нелюбова и др., 2019);
- *количественный подсчёт* – определение числа паремий в каждой аспектуальной модели и ценностном поле.

Каждая паремия получала одну основную аспектуальную характеристику – по глагольной форме, которая определяет нормативный смысл высказывания. Если в паремии сочетались НСВ и СВ, она относилась к особой модели «процесс → результат». Паремии, содержащие только СВ, рассматривались как контрольная группа.

Результаты

Анализ выборки показал, что НСВ присутствует в 34 из 39 паремий (87,2 %), СВ – в 8 (20,5 %). Выделены четыре аспектуальные модели ценностного высказывания и контрольная группа с СВ. Их распределение по ценностным полям представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение паремий по ценностным полям и аспектуальным моделям

Ценностное поле	Гном. наст.	Неогр.- кратное	Процессно-нормат.	Процесс → результат	Контроль (СВ)	Всего
Труд	2	4	3	0	2	11
Добро / Зло	1	2	1	1	1	6
Правда / Истина	3	0	1	1	1	6
Дружба / Общность	3	0	3	0	0	6
Мудрость / Учение	3	1	4	1	1	10
Всего	12	7	12	3	5	39

Наиболее многочисленны гномическое настоящее (12, 30,8 %) и процессно-нормативная модель (12, 30,8 %); неограниченно-кратное значение представлено 7 паремиями (17,9 %), модель «процесс → результат» – 3 (7,7 %), контрольные примеры с СВ – 5 (12,8 %). Поле «Дружба / Общность» выражено только гномическим настоящим и процессно-нормативной моделью; остальные поля включают паремии с СВ. Эти данные описывают структуру выборки и подлежат проверке на более широком материале.

Гномическое настоящее выводит действие за пределы момента речи и распространяет его на любой момент времени: высказывание истинно всегда, а не только сейчас. Форма НСВ при этом не обозначает ни процесса, ни повторения конкретных актов – она приписывает субъекту или явлению постоянное свойство. Так организованы пословицы, утверждающие устройство мира и человеческих отношений: «*Землю солнце красит, а человека – труд*»; «*Правда в воде не тонет и в огне не горит*»; «*Дерево держится корнями, а человек – друзьями*»; «*Друг познаётся в беде*».

Ценностная нагрузка этих высказываний создаётся двояко. Во-первых, форма НСВ снимает привязку к ситуации: «красит» относится не к одному случаю, а к природе труда как таковой. Во-вторых, сопоставление «землю – солнце, человека – труд» уравнивает природный и нравственный порядок и делает оценку труда не мнением, а законом мироустройства. В отрицательной форме гномическое настоящее фиксирует неуничтожимость или непреложность: «*Правда в воде не тонет...*», «*Старый конь борозды не портит*», «*Своя ноша не тянет*». Отрицание здесь не сообщает об отсутствии события, а утверждает устойчивое свойство.

К этой же модели относятся пословицы с местоименно-соотнесительной структурой: «*Кто за Родину горой стоит, тот и герой*». Глагол «стоит» не называет действие в конкретный момент, а задаёт условие, по которому любой человек оценивается как герой; конструкция «кто... тот...» усиливает универсальный характер нормы.

При неограниченно-кратном значении НСВ обозначает действие, которое повторяется при наступлении соответствующих условий и не имеет заранее заданного числа повторений. В пословицах эта модель создаёт представление о причинно-следственной закономерности: определённый тип поведения регулярно приводит к определённому результату. Таковы «*Капля камень долбит*», «*Под лежащий камень вода не течёт*», «*Кто рано встаёт, тому Бог подаёт*», «*Доброе слово лечит, а злое калечит*», «*Глаза боятся, а руки делают*».

Особенно характерны обобщённо-личные формы 3-го лица множественного числа: «*За добро добром платят*». Неопределённый субъект представляет норму взаимности как общепринятую практику: благодарность описывается как то, что «делается всегда». Сходно устроена пословица «*Тише едешь – дальше будешь*»: форма 2-го лица ед. ч. адресована любому слушателю, а сочетание двух форм НСВ выражает устойчивую зависимость между способом движения и результатом.

Процессно-нормативная модель: императив и инфинитив. Третья модель связана с императивом и инфинитивом НСВ. Если гномическое настоящее констатирует, как устроен мир, то императив и инфинитив предписывают, как следует действовать. Видовая форма имеет здесь принципиальное значение: НСВ в побуждении обозначает не однократный акт, а образ действий, который адресат должен сохранять постоянно. Отсюда пословицы-

максимы: *«Век живи – век учись»*, *«Не имей сто рублей, а имей сто друзей»*, *«Сам погибай, а товарища выручай»*, *«Хлеб-соль ешь, а правду режь»*, *«Любишь кататься – люби и саночки возить»*.

Для пословиц этого типа характерна параллельная структура, в которой две побудительные формы противопоставлены по ценностному ранжированию (*«сам погибай»* – *«товарища выручай»*). Инфинитив НСВ позволяет вовсе отказаться от указания на субъект и превращает высказывание в безличную норму: *«Добро творить – себя веселить»*, *«Учиться никогда не поздно»*, *«Не стыдно не знать, стыдно не учиться»*, *«Гуртом и батьку бить легче»*. В пословице *«Не стыдно не знать, стыдно не учиться»* ценностной доминантой становится не результат (знание), а сам процесс обучения: незнание допустимо, отказ от учения – нет.

Модель «процесс → результат»: взаимодействие видов. Данная модель показывает, что ценностный смысл не сводится к НСВ. В паремиях этой группы НСВ и СВ распределены по частям высказывания: НСВ описывает образ действия (то, что человек делает постоянно), а СВ – его закономерный результат. Так построены *«Кто правдой живёт, тот добро наживёт»* (*«живёт»* – НСВ, *«наживёт»* – СВ) и *«Не рой другому яму, сам в неё попадёшь»* (запрет в НСВ и результат в СВ). Сходное устройство имеет и *«Что имеем – не храним, потерявши – плачем»*: три глагола НСВ описывают привычное поведение, а деепричастие СВ *«потерявши»* отмечает рубеж, после которого приходит осознание.

Эта модель позволяет иначе взглянуть на роль СВ в паремиях. Контрольные примеры с СВ – *«Что посеешь, то и пожнёшь»*, *«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»*, *«Терпенье и труд всё перетрут»*, *«Шила в мешке не утаишь»*, *«Семь раз отмерь, один раз отрежь»* – не нарушают обобщающего характера высказывания: формы будущего времени и императива СВ используются как типовая последовательность результативных действий, возможная для любого адресата. СВ в таких пословицах выражает закономерный итог, а не процесс.

Взаимодействие моделей удобно показать на цикле пословиц о труде, расположенных как последовательность шагов.

Шаг 1. Закон. *«Землю солнце красит, а человека – труд»*. Гномическое настоящее (НСВ) задаёт исходную ценностную посылку: труд — постоянное свойство человеческого бытия, равное по значению солнцу в природе.

Шаг 2. Механизм. *«Капля камень долбит»*. НСВ в неограниченно-кратном значении показывает, как действует эта закономерность: результат достигается через многократное повторение малых усилий. Ценность приписана не результату, а настойчивости.

Шаг 3. Предписание. *«Любишь кататься – люби и саночки возить»*; *«Хочешь есть калачи – не сиди на печи»*. Императив и инфинитив НСВ переводят закономерность в норму поведения: человек должен принять процесс как условие желаемого результата.

Шаг 4. Результат и условие. *«Терпенье и труд всё перетрут»*; *«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»*. Здесь выступает СВ: глаголы *«перетрут»* и *«не вытащишь»* называют итог, который гарантирован при соблюдении нормы (и недостижим при её нарушении). Результат находится в конце цепочки, а ценностный центр остаётся в процессе.

Микроцикл имеет «аспектуальную драматургию»: от закона (НСВ-настоящее) через механизм (НСВ-кратность) и предписание (НСВ-императив) к итогу (СВ-будущее). НСВ формирует ценностную основу цикла, а СВ завершает её.

Для проверки роли видовой формы была применена замена НСВ на СВ-коррелят. Результаты приведены в таблице 2. Преобразованные варианты являются конструируемыми контрпримерами и не рассматриваются как паремии.

Таблица 2. Подстановочный тест: замена НСВ на СВ

Исходная паремия	Преобразованный вариант	Изменение значения
<i>Землю солнце красит...</i>	<i>Землю солнце украсит...</i>	Утрачивается вневременность: высказывание становится прогнозом конкретного события.
<i>Капля камень долбит</i>	<i>Капля камень продолбит</i>	Акцент смещается с упорного процесса на результат; исчезает образ длительного усилия.
<i>Не рой другому яму...</i>	<i>Не вырой другому яму...</i>	Запрет сменяется предупреждением о случайном исходе; пропадает норма как принцип.
<i>Век живи – век учись</i>	<i>*Век проживи – век выучись</i>	Обстоятельство «век» несовместимо с СВ: неограниченная длительность кодируется только НСВ.

Тест подтверждает, что НСВ необходим для сохранения вневременного и нормативного статуса высказывания, а СВ меняет функцию пословицы: из закона или нормы она превращается в прогноз или предупреждение.

Обсуждение

Полученные данные подтверждают исходную гипотезу в части, касающейся НСВ, и уточняют её в части, касающейся СВ. Несовершенный вид действительно служит основным грамматическим носителем нормативности в пословицах: он присутствует в 87,2 % единиц выборки, а подстановочный тест показывает, что без него утрачиваются вневременность и предписывающий характер. Тем не менее тезис о том, что НСВ является единственным носителем универсальных ценностей, не подтверждается: в выборке есть паремии, ценностный смысл которых целиком выражен СВ, и модель «процесс → результат», в которой роли видов распределены.

Метафора «когнитивной матрицы», нередко применяемая при описании роли грамматических категорий, может использоваться лишь в ограниченном смысле – как указание на то, что видовая форма задаёт рамку интерпретации высказывания. Строго говоря, НСВ не «создаёт» ценности: он придаёт пословице статус обобщения и нормы, а собственно ценностное содержание формируется лексикой (труд, добро, правда, друг), синтаксической рамкой («кто... тот...»), параллелизм, противопоставление «а») и образной основой. Видовое значение, таким образом, следует рассматривать как один из трёх взаимодействующих уровней, а не как самостоятельную причину ценностного смысла. Это согласуется с представлением о том, что картина мира выражается на всех уровнях языка (Булыгина, Шмелев, 1997; Караулов, 2010).

Особого комментария требует вопрос об общефактическом значении, которое иногда приписывают НСВ в паремиях. Согласно аспектологической традиции, это значение выражает сам факт совершения действия без указания на процесс или результат и, как правило, связано с единичным событием, чаще всего относящимся к прошлому (Маслов, 1984; Бондарко, 1987; Зализняк, Шмелев, 2000). В гномических высказываниях такая привязка к единичному факту нехарактерна, поэтому в анализируемом материале общефактическое значение не выделено как самостоятельная модель. Паремии, которые могли бы быть к нему отнесены (например, «Кто за Родину горой стоит, тот и герой»), точнее описываются как гномическое настоящее.

Модель «процесс → результат» допускает культурологическую интерпретацию. В ней ценность локализована в процессе (образе жизни, способе действия), тогда как результат оценивается как следствие, а не как цель, ради которой оправдан любой способ. Подобное распределение соответствует нормативной установке, согласно которой правильный путь важнее разового достижения. Эту интерпретацию следует считать гипотезой, поскольку она основана на небольшой выборке и нуждается в проверке на корпусном материале.

Таблица 3. Выборка паремий (n = 39) и результаты аспектологического анализа

№	Паремия	Глагольные формы	Модель
Труд (11)			
1	Землю солнце красит, а человека – труд.	красит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
2	Дело мастера боится.	боится – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
3	Глаза боятся, а руки делают.	боятся, делают – НСВ, наст. 3 л. мн. ч.	Неогр.-кратное
4	Капля камень долбит.	долбит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Неогр.-кратное
5	Под лежащий камень вода не течёт.	не течёт – НСВ, наст. 3 л. ед. ч., отриц.	Неогр.-кратное
6	Кто рано встаёт, тому Бог подаёт.	встаёт, подаёт – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Неогр.-кратное
7	Хочешь есть калачи – не сиди на печи.	хочешь – НСВ, 2 л.; не сиди – НСВ, императив, отриц.	Процессно-норматив.
8	Любишь кататься – люби и саночки возить.	любишь – НСВ, 2 л.; люби – НСВ, императив; возить – НСВ, инф.	Процессно-норматив.
9	Без дела жить – только небо коптить.	жить, коптить — НСВ, инфинитивы	Процессно-норматив.
10	Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.	не вытащишь – СВ, буд. 2 л. ед. ч.	Контроль (СВ)
11	Терпенье и труд всё перетрут.	перетрут – СВ, буд. 3 л. мн. ч.	Контроль (СВ)
Добро / Зло (6)			
12	Доброе слово лечит, а злое калечит.	лечит, калечит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Неогр.-кратное
13	Доброе дело само себя хвалит.	хвалит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
14	За добро добром платят.	платят – НСВ, наст. 3 л. мн. ч. (обобщённо-личная)	Неогр.-кратное
15	Добро творить – себя веселить.	творить, веселить — НСВ, инфинитивы	Процессно-норматив.
16	Не рой другому яму, сам в неё попадёшь.	не рой – НСВ, императив, отриц.; попадёшь — СВ, буд. 2 л.	Процесс → результат
17	Что посеешь, то и пожнёшь.	посеешь, пожнёшь – СВ, буд. 2 л. ед. ч.	Контроль (СВ)

№	Паремия	Глагольные формы	Модель
Правда / Истина (6)			
18	Правда в воде не тонет и в огне не горит.	не тонет, не горит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч., отриц.	Гномическое наст.
19	Правда глаза колет.	колет – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
20	Не всё то золото, что блестит.	блестит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
21	Хлеб-соль ешь, а правду режь.	ешь, режь – НСВ, императив	Процессно-норматив.
22	Кто правдой живёт, тот добро наживёт.	живёт – НСВ, наст.; наживёт – СВ, буд. 3 л.	Процесс → результат
23	Шила в мешке не утаишь.	не утаишь — СВ, буд. 2 л. ед. ч.	Контроль (СВ)
Дружба / Общность (6)			
24	Дерево держится корнями, а человек – друзьями.	держится – НСВ, наст. 3 л. ед. ч., возвр.	Гномическое наст.
25	Друг познаётся в беде.	познаётся – НСВ, наст. 3 л. ед. ч., возвр. (пассивное значение)	Гномическое наст.
26	Кто за Родину горой стоит, тот и герой.	стоит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
27	Не имей сто рублей, а имей сто друзей.	не имей, имей – НСВ, императив	Процессно-норматив.
28	Сам погибай, а товарища выручай.	погибай, выручай – НСВ, императив	Процессно-норматив.
29	Гуртом и батьку бить легче.	бить – НСВ, инфинитив	Процессно-норматив.
Мудрость / Учение (10)			
30	Век живи – век учись.	живи, учись – НСВ, императив	Процессно-норматив.
31	Учиться никогда не поздно.	учиться – НСВ, инфинитив	Процессно-норматив.
32	Не стыдно не знать, стыдно не учиться.	знать, учиться – НСВ, инфинитивы	Процессно-норматив.
33	Ученье в счастье украшает, а в несчастье утешает.	украшает, утешает – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
34	Старый конь борозды не портит.	не портит – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
35	Своя ноша не тянет.	не тянет – НСВ, наст. 3 л. ед. ч.	Гномическое наст.
36	Тише едешь – дальше будешь.	едешь, будешь – НСВ, 2 л. ед. ч.	Неогр.-кратное
37	Не зная броду, не суйся в воду.	зная – деепр. НСВ; не суйся – НСВ, императив, отриц.	Процессно-норматив.
38	Что имеем – не храним, потерявши – плачем.	имеем, храним, плачем – НСВ; потерявши – деепр. СВ	Процесс → результат
39	Семь раз отмерь, один раз отрежь.	отмерь, отрежь – СВ, императив	Контроль (СВ)

Ограничения исследования связаны с размером и целенаправленным характером выборки, неполным учётом синтаксических и просодических факторов и отсутствием независимой экспертной разметки. Перспективы – корпусная проверка моделей с подсчётом частотности видовых форм; сопоставление с языками, не имеющими славянской категории вида (например, тюркскими), где сходные значения передаются иными средствами; прикладное использование в преподавании русского языка как иностранного: пословицы с НСВ и СВ наглядно показывают видовые значения и вводят учащихся в ценностную картину мира носителей языка.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы

Видовые значения НСВ – гномическое настоящее, неограниченная кратность и процессность в императиве и инфинитиве – обеспечивают пословице вневременной и нормативный характер, отрывая высказывание от конкретного момента речи.

Выделены четыре аспектуальные модели репрезентации ценностей: гномическое настоящее, неограниченно-кратное значение, процессно-нормативная модель и модель «процесс → результат».

Совершенный вид не противоречит обобщающему характеру паремии и выполняет в ней дополняющую функцию, выражая закономерный результат; поэтому ценностный смысл формируется во взаимодействии видов, лексики и синтаксической рамки.

Подстановочный тест подтвердил, что замена НСВ на СВ изменяет функцию высказывания: из закона или нормы оно превращается в прогноз или предупреждение.

Список литературы

1. Аникин, В.П. Русские пословицы и поговорки / сост. В.П. Аникин. – Москва: Художественная литература, 1988. – 431 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 338 с.
3. Теория функциональной грамматики: введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А.В. Бондарко. – Ленинград: Наука, 1987. – 348 с.
4. Бредис, М.А. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал / М.А. Бредис, М.С. Димогло, О.В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 265–284.
5. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
6. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 4-е изд. – Москва: Русский язык, 2001. – 720 с.
7. Даль, В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – Москва: Художественная литература, 1984.
8. Зализняк, А.А. Введение в русскую аспектологию / А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
9. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 7-е изд. – Москва: ЛКИ, 2010. – 264 с.
10. Маслов, Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 263 с.
11. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.

12. Мокиенко, В.М. Славянский мир в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезентация / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт. – Петербург: Изд-во СПбГУ, 2022. – 662 с.
13. Нелюбова, Н.Ю. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков / Н.Ю. Нелюбова, В.И. Хильтбруннер, В.И. Ершов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23, № 1. – С. 223–243. – DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243.
14. Падучева, Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е.В. Падучева. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
15. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г.Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1970. – 240 с.
16. Петрухина, Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками / Е.В. Петрухина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 376 с.
17. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, 2004. – 992 с.
18. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
19. Черткова, М.Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке / М.Ю. Черткова. – Москва: Изд-во МГУ, 1996. – 156 с.
20. Comrie, B. Aspect / B. Comrie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 142 P.
21. Dundes, A. On the structure of the proverb / A. Dundes // Proverbium. – 1975. – Т. 25. – P. 961–973.
22. Mieder, W. Proverbs: a handbook / W. Mieder. – Westport, CT: Greenwood Press. – 2004. – 312 P.
23. Wierzbicka, A. Understanding cultures through their key words / A. Wierzbicka. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 317 P.

References

1. Anikin V.P. (Comp.). (1988). Russkie poslovitsy i pogovorki [Russian proverbs and sayings]. M.: Khudozhestvennaya literatura. 431 P. (In Russ.).
2. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. M.: Nauka. – 1988. – 338 P. (In Russ.).
3. Bondarko A.V. (Ed.). (1987). Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis [Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. L.: Nauka. 348 P. (In Russ.).

4. Bredis M.A., Dimoglo M.S. & Lomakina O.V. Pareмии v sovremennoy lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchiy i lingvokul'turologicheskiy potentsial [Paremmas in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. Vol. 11. no. 2, P. 265–284. (In Russ.).
5. Bulygina T.V. & Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. M.: Yazyki russkoy kul'tury. – 1997. – 576 P. (In Russ.).
6. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical doctrine of the word)] (4th ed.). M.: Russkiy yazyk. – 2001. – 720 P. (In Russ.).
7. Dal' V.I. (1984). Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t. [Proverbs of the Russian people: in 2 vols.]. M.: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
8. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Zaliznyak, Anna A., & Shmelev A.D. Vvedenie v russkuyu aspektologiyu [Introduction to Russian aspectology]. M.: Yazyki russkoy kul'tury. – Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 224 P. (In Russ.).
9. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality] (7th ed.). M.: LKI. – 2010. – 264 P. (In Russ.).
10. Maslov Yu.S. Ocherki po aspektologii [Essays on aspectology]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta. – 1984. – 263 P. (In Russ.).
11. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. M.: Akademiya. – 2001. – 208 P. (In Russ.).
12. Mokienko V.M. & Nikitina T.G. Slavyanskiy mir v paremiologicheskoy interpretatsii: aksiologicheskie dominanty i ikh lingvokul'turograficheskaya reprezentatsiya [The Slavic world in paremiological interpretation: Axiological dominants and their linguoculturographic representation]. SPb.: Izd-vo SPbGU. – 2022. – 662 P. (In Russ.).
13. Nelyubova N.Yu., Khil'tbrunner V.I. & Ershov V.I. Otrazhenie ierarkhii tsennostey v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo yazykov [Reflection of the hierarchy of values in the proverb stock of the Russian and French languages]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. Vol. 23. – 2019. – DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243. (In Russ.).
14. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in the Russian language; Semantics of narrative]. M.: Yazyki russkoy kul'tury. – 1996. – 464 P. (In Russ.).
15. Permyakov G.L. Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchey teorii klishe) [From a saying to a fairy tale (Notes on the general theory of cliches)]. M.: Nauka. – 1970. – 240 P. (In Russ.).
16. Petrukhina E.V. Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami [Aspectual verbal categories in the Russian language in comparison with Czech, Slovak, Polish, and Bulgarian languages]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. – 2000. – 376 P. (In Russ.).

17. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture] (3rd ed.). M.: Akademicheskij proekt. – 2004. – 992 P. (In Russ.).
18. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology: Semantic, pragmatic, and linguoculturological aspects]. M.: Yazyki russkoy kul'tury. – 1996. – 288 P. (In Russ.).
19. Chertkova M.Yu. Grammaticheskaya kategoriya vida v sovremennom russkom yazyke [The grammatical category of aspect in the modern Russian language]. M.: Izd-vo MGU. – 1996. – 156 P. (In Russ.).
20. Comrie, B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press. – 1976. – 142 P.
21. Dundes, A. On the structure of the proverb. Proverbium, 25, 961–973. – 1975.
22. Mieder, W. Proverbs: A Handbook. Westport, CT: Greenwood Press. – 2004. – 312 P.
23. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Their Key Words. Oxford: Oxford University Press. – 1997. – 317 P.

ЛИТЕРАТУРА И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Статья поступила в редакцию: 05.10.2026

Статья принята к публикации: 12.10.2026

Статья опубликована: 21.10.2026

УДК 821.161.1.09

Мотив пути в поэме А.И. Одоевского «Василько»

Власова Злата Андреевна

магистрант

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Воронежский государственный университет

Российская Федерация, г. Воронеж

E-mail: silver.grass.7093@gmail.com

The motif of the journey in A.I. Odoyevsky's poem "Vasilko"

Vlasova Zlata Andreevna

Master's Student Voronezh State University

Russian Federation, Voronezh

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей реализации мотива пути в русской романтической поэме на примере произведения поэта-декабриста А.И. Одоевского «Василько». Целью данной работы является выявление цели использования поэтом-декабристом хронотопа дороги и мотива пути как его инварианта для рассказа о жизни исторической личности. Научная новизна статьи обусловлена тем фактом, что мотив пути, будучи структурообразующим элементом сюжета, до сих пор не становился предметом специального исследования. В ходе анализа последовательно рассматривается как физическое движение главного героя через конкретные локусы (Теребовль, Киев, Белгород, Здвиженск и Владимир), так и его личностная трансформация, организуемые в тексте с помощью мотива пути. Методологическую основу составляют структурно-типологический, мотивный и сравнительно-сопоставительный методы. Методологической базой для исследования инициационного сюжета в поэме стала работа М.И. Бахтина «Вопросы литературы и эстетики». Доказана связь мотива пути как структурообразующего элемента

сюжета с идейным замыслом произведения, а также его автобиографический подтекст. Данная статья призвана привлечь исследовательское внимание к поэтическому наследию декабристов, литературная значимость которого остается недооцененной в настоящее время.

Abstract

This article examines the specific ways the “journey” motif is realized in the Russian Romantic narrative poem, focusing on the work “Vasilko” by the Decembrist poet A.I. Odoyevsky. The study aims to identify the poet's purpose in employing the “road” chronotope and the journey motif as its invariant to recount the life of a historical figure. The article's relevance stems from the fact that the journey motif, despite serving as a structural element of the plot, has not yet been the subject of dedicated scholarly research. The analysis consistently examines both the protagonist's physical movement through specific locations (Terebovl, Kyiv, Belgorod, Zdvizhensk, and Vladimir) and his personal transformation, elements structured within the text through the motif of the journey. The methodological framework relies on structural-typological, motif-based, and comparative-contrastive methods. M.M. Bakhtin's “Problems of Literature and Aesthetics” served as the methodological basis for the study of the initiation narrative in the poem. The study establishes a link between the motif of the journey as a structural element of the plot and the work's underlying conceptual design, while also highlighting its autobiographical subtext. This article aims to draw scholarly attention to the poetic legacy of the Decembrists, the literary significance of which remains undervalued today.

Ключевые слова: мотив пути, ослепление, поэма, герой, Василько, А.И. Одоевский.

Keywords: motif of the journey, blindness, narrative poem, hero, Vasilko, A.I. Odoyevsky.

Введение

Актуальность настоящей работы обусловлена тем фактом, что поэма А.И. Одоевского, несмотря на сохраняющийся интерес исследователей, остается недостаточно изученной. В настоящее время не предпринималось попыток обособленного анализа мотива пути, тогда как он является важнейшим элементом сюжетной организации произведения.

Цель исследования. Данное исследование имеет следующие цели: проанализировать мотив пути в поэме Одоевского «Василько» как структурообразующий элемент сюжета и определить его функции в художественной системе произведения

Материалы и методы

Материалом нашего исследования является поэма «Василько», занимающая важнейшее место в творчестве Одоевского и являющаяся единственным образцом данного жанра, созданным поэтом-декабристом. В качестве методологической основы используются структурно-типологический, мотивный и сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты и обсуждение

В данной работе мы будем разграничивать два ключевых понятия «хронотоп» и «мотив». М.М. Бахтин, разработавший теорию хронотопа, дал следующее определение: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе – «времяпространство»)» [1; 234]. По вопросу о понятии мотива в настоящее время не существует единого мнения. А.Н. Веселовский предложил следующее определение, ставшее опорным для дальнейшей разработки понятия: «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового поведения» [3; 305]. И.В. Силантьев отмечал, что «мотив <...> облекается в плоть непосредственного действия и взаимодействует с системой определённых персонажей, что, собственно, и выражается в формировании конкретного и уникального события. Именно событие является конечным выражением мотива в повествовании» [10; 117].

В данной статье мотив пути понимается нами как инвариант хронотопа дороги, получающий различные формы реализации в художественных произведениях. В литературоведении мотив пути наиболее часто квалифицируется как универсальный, а одним из его основных значений в русской литературе как правило является духовное становление, преодоление испытаний и личностный поиск.

Поэма «Василько» А.И. Одоевского была написана в 1829 – 1830 годах во время пребывания автора на каторге в Сибири. Научное осмысление творчества Одоевского началось в конце XIX века, после первой публикации его произведений, и имело преимущественно биографическую направленность. Определяя символический смысл произведения, Н.А. Котляревский писал: «Несчастный князь Василько, низвергнутый нежданно с высоты своего положения в такую пучину несчастья и смилившийся духом – был историческим призраком, в который Одоевский облек свое собственное настроение – то преклонение перед высшей волей, которой он сам свою несчастную судьбу доверил» [8; 49].

Комментируя трансформацию нарратива критических работ о творчестве Одоевского, Е.О. Белоусова отмечает: «Дореволюционные исследователи открыто заявляли о религиозности поэта, недооценивая при этом участие его в декабристском восстании; после революции литературоведы, напротив, в первую очередь рассматривали декабризм и его значения в жизни поэта, обходя при этом основополагающие религиозные настроения» [2; 13].

Летописной основой произведения послужила «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского», где описывается пленение и последующее ослепление князя Василько Ростиславича его двоюродными братьями Святополком и Давидом, произошедшее вскоре после заключения русскими князьями мирного договора в Любече. Следуя хронологии событий, довольно кратко изложенных в «Повести», Одоевский выстраивает в произведении последовательно разворачивающуюся линейную сюжетную структуру.

Первая песнь поэмы Одоевского имеет композиционное сходство с сюжетно-мотивной конструкцией, характерной для жанра героического эпоса. В первой песни мотив пути только начинает формироваться, непосредственно реализуясь в тексте уже в заключительных строфах. Однако условия, в которых начинается переломный этап литературной судьбы

Василько, и сопутствующие обстоятельства нуждаются в особом рассмотрении. Место действия первой песни – город Теробовль, где правит князь Василько Ростиславич. Ключевыми событиями этой части являются сбор княжеской дружины и жителей по призыву князя, подготовка к походу на Польшу в союзе с «торками», «берендеями» и половцами, и последующее выступление. Рассмотрение данной последовательности позволяет отметить композиционное сходство песни со структурой произведений жанра героического эпоса: «герой собирается на битву; герой видит предсказание; герой прощается с родными/ близкими; герой собирает дружину; герой делит добычу» [5; 18].

Замысел героя, созвавшего жителей Теробовля на собрание, – призвать их на войну против «ляхов». Именно в момент объявления похода начинается новый этап жизненного пути Василько как правителя и военачальника, сформировавшегося политика с определенной системой нравственных установок, умеющего говорить с подданными и пользоваться словом как «мягкой силой». Теробовльский князь добивается своих целей без усилий и в результате получает сплоченную боевую армию, готовую следовать за ним по одному его слову «“Все готовы за тобой!” – / Воскликнули и юноши, и мужи» [9; 119]. Как отмечает Н.П. Жилина, «Василько Ростиславич <...> ведет себя как умный и благородный правитель, радеющий о своем народе и проявляющий заботу о судьбе всей страны» [6; 70].

Основная мысль, содержащаяся в речи Василько, – это идея о важности народного благополучия и процветания «всей Руси православной», ради которого принимаются все возможные меры. По словам героя, договор, ранее заключенный между князьями в Любече, был подписан, в первую очередь, для примирения русского народа. Страдания родины, разоряемой междоусобными войнами ее «сыновей», окончились после крестоцеловальной клятвы, означающей нерушимость и искренность намерений всех князей. Так историческое событие становится завязкой сюжета в поэме.

Комплекс нравственных ценностей Василько (основного представителя христианской стороны конфликта мировоззренческих систем в поэме), отраженный в его монологе, актуализирует вертикальную структурную модель. Православный уклад жизни на Руси является залогом гармонии и порядка. Акцентируя внимание на заключении крестоцеловальной клятвы, Василько подчеркивает ее значение как фундамента мирной жизни для всех славян. Прекращение междоусобиц вернет русской земле милость Бога и покровительство Небес, необходимые для восстановления и процветания Руси.

Одоевский наследует фольклорной традиции изображения героя как бесстрашного и непобедимого воина. Монолог Василько также свидетельствует о религиозном мировоззрении теробовльского князя, безжалостного к врагам своей православной родины. Так, планируя захват «добычи», Василько акцентирует внимание на том, что «ляшское серебро» будет взято не для личного обогащения, а для украшения «соборного храма» и «домашних икон» всех жителей Теробовля, то есть послужит прославлению Божьего имени.

Реакция «толпы» на призыв князя последовать за ним в поход на поляков является показательной чертой в идеализированной модели взаимоотношений правителя и народа, выстроенной Одоевским в поэме. «Тысячеглавая толпа», превращающаяся в единый макро-организм, в порыве воодушевления, ставшего общим чувством для всех присутствующих, обещает Василько самое ценное, что она имеет: «Твои – наш конь, наш меч, вся наша

кровь!» [9; 119] Подобное обещание близко по своей функции к такому элементу воинской повести как «исполнение заповеди отречения»: герой жертвует чем-либо значимым ради бескорыстного желания приблизить победу, что является для него, по выражению В. Васильева, «гарантией спасения» в христианском понимании, то есть залогом пребывания его души на Небесах после земной кончины. Совершая подвиг самоотречения и самопожертвования ради благой цели, жители Теребовля переходят в статус будущих «воинов-мучеников», убежденных в правоте и благочестивости помыслов своего правителя и военачальника. По окончании речи народ провожает Василько восторженными «кликаками» и, разойдясь «по домам», начинает подготовку к походу. «Младые» чистят коней, проверяют состояние мечей и копий и, слушая рассказы «отцов и дедов» о прежних воинских подвигах и победах прошлого, получают опосредованный инициационный опыт.

Анализ способов реализации мотива пути в первой песни не может быть завершен без рассмотрения важного эпизода прощания Василько с его женой, имеющего важное смысловое значение. Мстиславна обвиняет мужа в том, что с началом похода она утратит важность для князя, а ее место займет меч: «Теперь не я, а меч – твой друг любимый!» [9; 121] В разговоре с ней Василько обозначает направление своего задуманного пути: «Я проездом через Киев / Свершу обет; молебен отслужу / В обители святого Михаила...» [9; 122]. Однако Мстиславна, знающая о пророчестве гадалки, предчувствует, что его судьба будет иметь другой, трагический исход. Повторяемое ею восклицание «Черный путь!» означает не только несчастья, ожидающие Василько в военном походе, но и грядущее ослепление, в результате которого теребовльский князь проведет остаток жизни в темноте. Эта фраза маркирует негативную семантику мотива пути главного героя в поэме.

Пространственно-временное начало пути Василько и его войска обозначено в тексте опосредованно: выглядывающая из окна Мстиславна видит, как «последний строй <...> теснился в ворота» [9; 123]. Прохождение князя через ворота символизирует переход границы «своего», защищенного пространства. Отсутствие доспехов («Без шлема, без кольчуги / Поехал князь» [9; 124]) символизирует его доверие союзникам и праведность намерений.

Во второй и начале четвертой песни мы узнаем о продолжающемся пути Василько и его приближении к Киеву из разговора князя Давида с Туряком: «“Но будет ли он завтра?” “Едет он”» [9; 136]. За передвижением князя также следит языческий верховный жрец, использующий русалок и ведьм для получения точных сведений о его местонахождении: «На Рудице стан!» [9; 146] О том, что Василько был арестован Святополком и заключен в темницу, также говорит Давид. Этому разговору предшествовало вечевое собрание, на котором «граждане» Киева вели со своим князем шумный спор о судьбе Василька. Святополк боится того, что в результате восстания Василько займет киевский престол, а сам он лишится власти и поддержки народа: «Весь народ / Заступится за князя. Из темницы / Он мне назло исторгнет Василька...» [9; 149]. Поддаваясь психологическому давлению Давида и осознавая, что всенародная любовь к Васильке вскоре может перерасти в желание отомстить за его унижение, Святополк снимает с себя ответственность и передает Давиду право распоряжаться судьбой пленного князя по своему усмотрению.

В четвертой песни Василько проходит ряд жестоких испытаний. Спокойствие теребовльского князя, запертого в темнице, подтверждает чистоту его помыслов: «». Путь князя продолжается в тот момент, когда его выводят из темницы, однако теперь ему предстоит пройти ряд испытаний, первым из которых стали заключение в темницу и пребывание под арестом в тяжелых оковах. Не теряя достоинства, Василько по-прежнему уповает на Божественное милосердие, не пытаясь как-либо повлиять на свою судьбу. Улыбка, с которой князь обращает взгляд на небеса на пороге темницы, свидетельствует о его внутренней уверенности в том, что Бог действительно на его стороне. Примечательно, что от Василько скрывают направление, в котором должен отправиться конвой, то есть цель пути остается для героя неизвестной.

При каждом движении Василько раздаётся звон цепей, громоханием оков сопровождается даже крестное знамение, сотворяемое героем на пороге темницы. Акцент на звуковом уровне развивается в сцене перевозки теребовльского князя под конвоем в Белгород. Особенно громким шумом колес обозначается выезд из Киева через Золотые ворота. Одоевский подчеркивает, что этот стук мог и должен был разбудить спящих горожан, отозвавшись в сердцах. Народ, разошедшийся после веча, спит «мирным»/«ленивым» сном, оставив беспокойство о судьбе князя до следующего дня. Поставленный акцент на «всеобщности» и «беспробудности» этого сна позволяет провести семантическую связь с наваждением, сделавшим население целого города совершенно невосприимчивым к звукам. Именно в тот момент, когда Василько нуждается в помощи народа, ни единый житель Киева «не взглянет на него из сострадания» [9; 153].

Единственным из приближенных, отправившимся за князем, становится Михаил, крестный сын Василько. Его линия в произведении является вставным инициационным микро-сюжетом. Не способный спасти князя, «отрок» умоляет конвоиров позволить ему присоединиться к Васильке и разделить его участь. Ранение, которое наносит ему приближенный Давида, Василь, и беспомощность Михаила могут быть интерпретированы как состояние «символической смерти». Вторым героем, последовавшим за Василько, становится Боян, которому Михаил передает коня в надежде, что «певец» сможет догнать князя: «Спешу! Про все узнаю, / И в Теребовль на крыльях полечу» [9; 156].

Подготовка к символическому жертвоприношению и ослепление Василько осуществляются по приезде в Белгород, являющийся первой остановкой на «чёрном пути». Разведенный перед князем костер, в контексте хронотопа дороги обычно имеющий положительную коннотацию, здесь выступает как отрицательный символ. Свершение казни будет означать смену метафизического миропорядка: космическое гармоничное пространство свободной жизни под защитой Бога, «инструментом» распространения которого был Василько, неоднократно подчеркивавший важность крестного мира, разрушается. Приказывая ослепить Василька, Давид рассчитывает добиться признания его недееспособным, поскольку незрячий князь не смог бы выполнять функции военачальника и руководить войсками. Как утверждает Н.С. Ищенко, на Руси «ослепление князя не стало доминирующей практикой, более того, оно было отторгнуто народным сознанием. В 1069 г. произошло ослепление князя Василька Теребовльского. Это событие вызвало огромный резонанс» [7; 166].

Сцене ослепления предшествует изображение величественной зари, описанной Одоевским как свадьба «краснеющей невесты» и солнца, «исполина неба». Представление о природных явлениях как о результате слияния двух божеств имеет мифологическое происхождение и нередко встречается в мировой культуре. Однако Василько, в последний раз глядя на рассвет, вновь говорит о Спасе, «льющем свет и жизнь на землю» [9; 157]. В данном случае подобный синтез христианской веры и отголосков языческого миропонимания иллюстрирует представление князя о мировой гармонии и космическом порядке, символом которого является солнце. Примечательно, что подданные Давида позволяют князю прочесть утреннюю молитву, «набрасываясь» на него только после ее завершения.

Ослепление Василька является кульминационным моментом и соответствует одному из наиболее распространенных условий прохождения инициационного испытания, так называемому «запрету на зрение». В сцене казни все совершаемые действия обретают дополнительное ритуальное значение, расширяется семантика используемых предметов. Так, цепи, в которые закован Василько, в контексте инициационного испытания означают физическое отделение от «мира живых». С их помощью князь некоторое время оказывает сопротивление своим палачам и «цепями их разит», подобно былинному богатырю сражаясь сразу против троих приближенных Давида. Нож, использованный для ослепления Василька, имеет сходное значение в христианской и языческой культуре и на символическом уровне связан с жертвоприношением. В контексте сцены казни нож становится орудием свержения божественного гармонического миропорядка, олицетворяемого теребовльским князем.

Наиболее сложную семантику не только в данном эпизоде, но и в поэтике всего произведения имеет ковер. В первой песни Василько упоминает, что Любечский мирный договор был заключен на ковре, то есть подобии нейтральной переговорной площадки, одновременно выполнившей функции метафорического фундамента для налаживания дипломатических отношений между русскими князьями и постепенного восстановления благополучной жизни на Руси. После казни Василько ковер становится символом нарушения крестоцеловальной клятвы.

Предпоследним пунктом в пути Василько становится Здвиженск, где приближенные Давида останавливаются в доме у священника, который вынужден принимать в своем доме и угощать обедом грешников. В данном эпизоде важное значение в раскрытии символического уровня художественного текста имеет сорочка князя, которую «совлекают» и отдают «старице» для того, чтобы она отстирала пятна крови. В христианском сознании окровавленная рубашка отсылает, прежде всего, к плащанице Христа. Как отмечает А.С. Демин, «окровавленная сорочка превратилась в пронзительный знак мученичества» [4; 444]. Сетую на то, что с него сняли сорочку, Василько с упрямством мученика, желающего продемонстрировать Богу свою невиновность, восклицает: «Нет, я хотел, одетый в кровь мою, / Предстать перед всевышнего судью» [9; 159].

Рубашку забирает Боян, чье появление и «исчезновение» во дворе священника представляются практически волшебными. «Нищий» отмечает: «На ней нужна мне кровь...» [9; 159], намекая таким образом на то, что окровавленная сорочка может стать вещественным доказательством клятвoprеступления, совершенного русскими князьями. Из текста поэмы известно, что Боян намерен отправиться в Теребовль и, вероятно, рассказать о случившемся подданным Василько.

Священник, как представитель Бога на земле и еще один из сторонников космического гармоничного миропорядка в произведении, пытается противостоять несправедному земному суду князей, желая причастить теребовльского князя и подготовить его душу для суда Всевышнего. В речи героя сформулирована идея, ставшая главной в творчестве декабристов после 1825 года: наиболее объективно и справедливо оценить исторические события и поступки их участников могут только последующие поколения.

Конец пути для ослепленного Василько непосредственно номинирован в поэме: «Страдальца путь окончен» [9; 160]. Его снова заключают в «темницу», теперь в Владимире, где правит Давид. Василько окружает темнота, имеющая множественное значение в финале произведения: а) разрушение неустойчивого Любечского перемирия, за которым неизбежно последуют новые междоусобные войны, обрекающие Русь на долгие годы кровопролития; б) на метафизическом уровне это финал скрытого противостояния христианской гармонии и языческого хаоса, завершившийся победой последнего; в) физическая слепота Василько; г) погружение князя в его собственный внутренний мир, где после всех испытаний, несмотря на вербально выраженную преданность Богу, также зарождается хаос. Согласно летописи, ослепленный Василько вместе с братом Володаром принял участие в княжеских войнах и не только отомстил своим палачам, но и остался теребовльским князем до конца своих дней.

Заключение

Таким образом, мотив пути в поэме Одоевского «Василько» является структурообразующим элементом сюжета, обеспечивающим идейно-художественное единство произведения. Выбор исторической темы и ее реализация с использованием данного мотива обусловлены автобиографическим фактором. Показательная казнь, социальная изоляция и духовное ослепление, изображенные в поэме, отражают события, произошедшие с самим Одоевским и его единомышленниками.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. С. 234–281. – Москва: Искусство, 1975.
2. Белоусова, Е.О. Религиозно-нравственный смысл романтической лирики М.Ю. Лермонтова и А.И. Одоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – / Белоусова Елена Олеговна, 2008. – 250 с.
3. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Москва: Высшая школа, 1989. – 406 с.
4. Демин, А.С. Символика и изобразительность в древнерусских произведениях XI–XIII вв. («Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати», «Слово о полку Игореве», «Слово Даниила Заточника») / А.С. Демин // Герменевтика древнерусской литературы. – 2010. – № 14. – С. 438–456.
5. Ершова, И.В. К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) / И.В. Ершова // Новый филологический вестник. – 2017. – № 2 (41). – С. 14–20.

6. Жилина, Н.П. Феномен духовной брани в поэме А.И. Одоевского «Василько» / Н.П. Жилина // Новый филологический вестник. – 2022. – № 2 (61). – С. 66–84. – DOI: 10.54770/20729316-2022-2-66.
7. Ищенко, Н.С. Ослепление претендента на престол в византийской и русской культуре / Н.С. Ищенко // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 2: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–24 сент. 2022 г.) / отв. ред. О.Н. Ноговицин; ФНИСЦ РАН. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2022. – С. 163–176.
8. Котляревский, Н.А. Декабристы. Князь А.И. Одоевский и А.А. Бестужев-Марлинский (их жизнь и литературная деятельность) / Н.А. Котляревский. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. – 434 с.
9. Одоевский, А.И. Избранное / А.И. Одоевский. – Москва: Советская Россия, 1982. – 205 с.
10. Силантьев, И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.

References

1. Bahtin M.M. [Voprosy literatury i estetiki]. – Moskva: Iskustvo, 1975. – S. 234–281. (In Russ.).
2. Belousova E.O. Religiozno-nravstvennyj smysl romanticheskoy liriki M.YU. Lermontova i A.I. Odоеvskogo: dis.... kand. fil. nauk: 10.01.01. / Belousova Elena Olegovna. – Moskva, 2008. – 250 s.
3. Veselovskij A.N. Istoricheskaya poetika / A.N. Veselovskij. 406 s. – Moskva: Vysshaya shkola, 1989.
4. Demin A.S. Simvolika i izobrazitel'nost' v drevnerusskikh proizvedeniyah XI – XIII vv. («Povest' vremennyh let», «Slovo o zakone i blagodati», «Slovo o polku Igoreve», «Slovo Daniila Zatochnika») / A.S. Demin // Germenevtika drevnerusskoj literatury. – 2010. – No. 14.
5. Ershova I.V. [K tolkovaniyu epicheskogo motiva (postanovka problemy)] // Novyj filologicheskij vestnik. – 2017. – No. 2 (41). (In Russ.).
6. ZHilina N.P. [Fenomen duhovnoj brani v poeme A.I. Odоеvskogo «Vasil'ko»] // Novyj filologicheskij vestnik. – 2022. – No. 2 (61). – P. 66–84. – DOI: 10.54770/20729316-2022-2-66. (In Russ.).
7. Ishchenko N.S. Osleplenie pretendenta na prestol v vizantijskoj i russkoj kul'ture // Vizantiya, Evropa, Rossiya: social'nye praktiki i vzaimosvyaz' duhovnyh tradicij. Arhiv konferencii. Vypusk 2: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 22–24 sentyabrya. – Peterburg: Izdatel'stvo RHGA, 2022. – P. 163–176.
8. Kotlyarevskij N.A. Dekabristy. Knyaz' A.I. Odоеvskij i A.A. Bestuzhev-Marlinskij. (Ih zhizn' i literaturnaya deyatel'nost') / N.A. Kotlyarevskij. – Sankt. 434 s. – Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1907.
9. Odоеvskij A.I. [Izbrannoe]. – Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1982. – 205 s. (In Russ.).

10. Silant'ev I.V. Poetika motiva / I.V. Silant'ev. 296 s. – Moskva: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

КИНО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА

Статья поступила в редакцию: 29.09.2026

Статья принята к публикации: 05.10.2026

Статья опубликована: 21.10.2026

УДК 070.4:316.77(470)

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.148.10.23501

Развлекательные телепрограммы 1990-х годов как феномен переходной медиакультуры: жанровая типология и визуальный язык эпохи

Алексеев Кирилл Александрович

юрисконсульт нотариальной конторы нотариуса нотариального округа Санкт-Петербурга

Кечик Натальи Петровны

Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

E-mail: 6634048@elkir.ru

Entertainment television programs of the 1990s as a phenomenon of transitional media culture: genre typology and visual language of the era

Alekseev Kirill Aleksandrovich

Legal Counsel of the Notary Office of Notary of the Notarial District of St. Petersburg Natalia

Petrovna Kechik

Russia, St. Petersburg

Аннотация

Современное медиапотребление, даже окончательно переместившись в цифровую среду, генетически опирается на форматы, которые были заложены «первопроходцами» отечественного коммерческого вещания. Актуальность работы продиктована необходимостью осмыслить истоки сегодняшних интерактивных шоу, агрессивных интервью, видеоблогов, визуальный и смысловой базис которых был сформирован именно в последнее десятилетие XX века. Главное противоречие рассматриваемого периода проявилось в столкновении рухнувшей советской дидактической модели и стихийно хлынувших на экраны западных коммерческих шаблонов. И это требовало стремительной адаптации под растерянного постсоветского зрителя. Цель заключается в анализе развлекательного ТВ 1990-х гг. как феномена переходной культуры, а также в декодировании

Библиографическое описание: Алексеев К.А. Развлекательные телепрограммы 1990-х годов как феномен переходной медиакультуры: жанровая типология и визуальный язык эпохи // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23501>

его жанровой типологии и визуального языка. Опираясь на архивы, автор приходит к выводу, что новаторские проекты того времени служили не обычным средством массового эскапизма. Они выступали в качестве важнейшего механизма социальной адаптации для общества, оказавшегося в ситуации ценностного слома. Авторский вклад состоит в систематизации хаотичного эфирного наследия и аргументации того, что сценография, студийный свет, имидж телеведущих были не рядовым фоном, а активными инструментами конструирования новой рыночной идентичности зрителя. Представленный материал будет полезен культурологам, социологам медиа, историкам журналистики, практикам индустрии, которые ищут ключи к пониманию психологии и эволюции массовой аудитории.

Abstract

Modern media consumption, even having finally moved into the digital environment, is genetically based on the formats that were laid down by the «pioneers» of domestic commercial broadcasting. The relevance of the work is dictated by the need to comprehend the origins of today's interactive shows, aggressive interviews, and video blogs, whose visual and semantic basis was formed precisely in the last decade of the 20th century. The main contradiction of the period under consideration manifested itself in the collision of the collapsed Soviet didactic model and the Western commercial templates that spontaneously poured onto screens. And this required rapid adaptation to the bewildered post-Soviet viewer. The aim is to analyze entertainment TV of the 1990s as a phenomenon of transitional culture, as well as to decode its genre typology and visual language. Relying on archives, the author comes to the conclusion that the innovative projects of that time served not as an ordinary means of mass escapism. They acted as the most important mechanism of social adaptation for a society that found itself in a situation of value breakdown. The author's contribution consists of systematizing the chaotic broadcast heritage and arguing that scenography, studio lighting, and the image of TV presenters were not an ordinary background, but active tools for constructing a new market identity of the viewer. The presented material will be useful to cultural scientists, media sociologists, historians of journalism, and industry practitioners who are looking for keys to understanding the psychology and evolution of the mass audience.

Ключевые слова: визуальный язык, жанровая типология, медиакультура, постмодернизм на ТВ, телеигры, ток-шоу.

Keywords: visual language, genre typology, media culture, postmodernism on TV, TV games, talk shows.

Введение

Девяностые годы XX века стали для России периодом масштабных социальных преобразований, которые максимально концентрированно отразились в телевизионном эфире.

Телевидение от статуса строго регламентированного, дидактического инструмента советского государства в кратчайшие сроки перешло к модели коммерчески ориентированной индустрии с плюралистичным и экспрессивным визуальным стилем. Точкой отсчета характеризуемой системной перестройки уместно считать 27 сентября 1990 года, когда приказом Председателя Гостелерадио СССР М.Ф. Ненашева №596 было создано

самостоятельное хозяйственное вещательное предприятие на базе пустующего эфирного времени [6]. С этого момента в сетке начали укореняться проекты независимых производителей, благодаря которым изменилась культурная среда страны.

В реалиях экономического кризиса, что сочеталось со сломом прежних ценностных ориентиров, развлекательное телевидение взяло на себя функции механизма социальной адаптации, «проводника» в новую рыночную реальность. Социальный, интегрирующий эффект телевидения в те годы многократно усиливался традицией коллективного телесмотрения. Так, программы обсуждались в семьях и рабочих коллективах, превращаясь в важнейший элемент повседневной коммуникации. Зритель искал у экрана компенсации бытовой неустроенности. И новые передачи предлагали этот эскапизм, облеченный в невиданные ранее жанровые формы.

Автор статьи нацелен на то, чтобы проанализировать развлекательное телевидение 1990-х гг. как единый феномен переходной медиакультуры. Задачами являются выстраивание жанровой типологии ключевых телепроектов того времени; декодирование их визуального языка, сценографии, имиджевых стратегий, что во многом определило эстетический код целого поколения зрителей.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили развлекательные телепрограммы 1990-х гг., выходившие на центральных (ОРТ, РТР) и коммерческих (ТВ-6, НТВ) каналах. В фокусе внимания находятся проекты, которые стали символами эпохи: телеигры («Поле чудес», «Угадай мелодию», «Любовь с первого взгляда»), музыкальные проекты («МузОбоз»), новаторские ток-шоу («Акулы пера», «Я сама», «Про это»), сатирические передачи («Куклы», «Городок»), флагманы детского вещания («Зов джунглей», «Звездный час»).

Методологическая база опирается на принципы историко-типологического, социокультурного, визуального анализов. Теоретической рамкой послужила концепция визуальной культуры как пространства репрезентации идентичности, а также современные теории медиакommunikаций, где телевизионный контент рассматривается не просто как трансляция фактов, а как система ценностных ориентаций и ментальных программ аудитории. Провидимый автором анализ включает в себя изучение сценографии, студийного освещения, графического оформления, внешнего облика ведущих.

Результаты и обсуждение

Переход отечественного телевидения на рыночные рельсы стал главным «ускорителем» появления новых форматов [9, 2]. «Транслировались демократические идеи общества, экранизации российских и зарубежных произведений, клиповые идеи зарубежной культуры, что запустило процесс «выдавливания» книги из досуга детей и подростков» [2].

Значимую роль в рассматриваемом процессе сыграло создание первого в России частного телеканала «ТВ-6 Москва». Он начал полноценное вещание 1 января 1993 года и стал «полигоном» для инноваций [10]. После прекращения вещания телеканала «Северная корона» в июле 1994 года ТВ-6 занял шестую метровую частоту в полном объеме, предложив

аудитории уникальный молодежный и развлекательный контент. Под руководством Ивана Демидова была запущена серия программ, которые определили стиль десятилетия: «Партийная зона», «Катастрофы недели», «Дорожный патруль» и прочие.

В то же время, на первом частотном канале (изначально 1-й канал Останкино, впоследствии ОРТ) доминирующие позиции заняла телекомпания «ВИД», основанная создателями программы «Взгляд». Именно они начали системно адаптировать западные лицензионные форматы к российской ментальности. Создавались гибриды, которые сочетали коммерческие механизмы развлечения с постсоветскими культурными кодами [13]. Логотип телекомпании «ВИД», стилизованный под устрашающее лицо, стал заметным визуальным потрясением и неофициальным символом нового телевидения, вызывая сильную и неоднозначную эмоциональную реакцию у миллионов телезрителей (см. рис. 1).

Рисунок 1. Логотип телекомпании «ВИД», керамическая маска древнекитайского философа Го Сяна

Особое место в культуре девяностых заняли телеигры нового типа, в которых открыто декларировался материальный успех как главная цель участия. Это ознаменовало слом советской парадигмы, где предполагалась бескорыстная демонстрация знаний. Первым масштабным проектом стало капитал-шоу «Поле чудес» [12]. Оно стартовало 25 октября 1990 года под руководством Владислава Листьева. Первоначальная сценография программы отсылала к сказке о Буратино, а съемки проходили в тесной студии. Между тем, подлинная социокультурная трансформация проекта произошла с приходом осенью 1991 года Леонида Якубовича. Из западного формата викторины программа превратилась в еженедельный национальный ритуал, визуализирующий идею всероссийского гостеприимства. Игроки стремились к барабану не столько ради угадывания слов, сколько ради возможности передать привет, вручить ведущему домашние заготовки, примерить на него элементы национальных

костюмов. Вращающийся барабан (см. рис. 2) приобрел статус центрального символа эпохи, а музей программы на ВДНХ стал хранилищем этого уникального народного творчества. Популярность шоу была столь велика, что в 1993 году программист Вадим Башуров создал компьютерную игру по ее мотивам, расширив влияние бренда на формирующееся цифровое пространство.

Рисунок 2. Леонид Якубович на съемках телепрограммы «Поле чудес» в Москве, 1992 г

Еще более динамичным проявлением новой эстетики стала программа «Угадай мелодию», которая вышла в эфир 3 апреля 1995 года. Заимствовав концепцию у западного формата Name That Tune, Владислав Листьев доверил ведение шоу музыканту Валдису Пельшу. Риск оказался оправданным. Сценография представляла собой триумф новых технологий и западного телевизионного лоска. В студии присутствовал живой оркестр, что придавало шоу статус полновесного концерта (рис. 3). Игроки располагались за неоновыми пультами на вращающихся платформах. Музыкальная память участников «конвертировалась» в реальные рубли по курсу Центробанка России, подчеркивая монетизацию любых навыков в новых реалиях. Визуальный облик Валдиса Пельша (рис. 3) стал самостоятельным феноменом: его пиджаки транслировали идею праздника и финансового благополучия. Нестандартная пластика ведущего (акцентированные взмахи руками и прямые обращения в камеру с эффектом слома «четвертой стены») создавали беспрецедентную для отечественного экрана динамику [5].

Рисунок 3. Оркестр и Валдис Пельш в экстравагантных пиджаках за стойкой ведущего в студии «Угадай мелодию», 1995 – 1996 гг

Отдельного внимания заслуживает программа «Любовь с первого взгляда», которая выходила с 1991 по 1999 гг. (производство телекомпании «Игра-ТВ» по лицензии британской Action Time). Это был совершенно новый для России формат романтической игры, где трое юношей и три девушки пытались найти идеальную пару непосредственно в телевизионной студии. Ведущими стали Борис Крюк и Алла Волкова. Визуальный язык характеризуемой программы (рис. 4) демонстрировал наступление эпохи технологического прогресса и культуры потребления. Студия была оснащена пультами с джойстиками, экранами. А процесс выбора сопровождался восьмибитными компьютерными звуками и графикой совмещения «половинок сердца». В финальном раунде («Стрельба глазами») совпавшая пара выигрывала романтическое путешествие или ужин в ресторане. Для постсоветского зрителя эти интерьеры и призы служили репрезентацией иного, эстетически безупречного мира. Поведение ведущих в кадре, допускавшее сценарный флирт вкупе с ироничными пикировками, знакомило аудиторию с новыми, более раскованными формами межличностной коммуникации.

Рисунок 4. Студия программы «Любовь с первого взгляда» с Борисом Крюком и Аллой Волковой на фоне светящихся сердец, 1996 г

В 1991 г. в эфир вышло «Музыкальное обозрение» – программа «МузОбоз», автором которой выступил Иван Демидов. В отличие от статичных эстрадных концертов прошлых лет, «МузОбоз» внедрил на отечественный экран эстетику клипового монтажа, драйва, актуальной поп-культуры [11]. Визуальный язык программы отличался радикальностью. Демидов разработал продуманный телевизионный имидж: короткая стрижка, строгий костюм или кожаная куртка-косуха и неизменные черные солнцезащитные очки. Они, изначально использованные из-за дискомфорта от яркого студийного освещения, превратились в его фирменный знак (см. рис. 5). Демидов культивировал образ отстраненного ведущего с подчеркнуто небрежной манерой речи. И это резко контрастировало с привычной академичностью дикторов.

Рисунок 5. Иван Демидов в характерных черных очках и кожаной куртке во время эфира программы «МузОбоз»

Описываемый образ стал столь значимым для культурного кода страны, что режиссер Алексей Балабанов впоследствии использовал cameo Демидова в фильме «Брат-2» как безошибочный маркер эпохи.

Девяностые годы ознаменовались отказом от строгой цензуры и публичным обсуждением тем, которые ранее исключались из медийного поля. Описываемый прорыв обеспечили ток-шоу – жанр, предполагающий наличие конфликта, исповедальности, острой дискуссии.

Так, в музыкальной сфере флагманом стали «Акулы пера» (ТВ-6, 1995-1998 гг.). Ведущий Илья Легостаев и команда журналистов (Отар Кушанашвили, Сергей Соседов и др.) еженедельно подвергали жесткому перекрестному опросу приглашенных звезд эстрады. Сценография программы была продиктована минимальным бюджетом: небольшая студия без сложных декораций, журнальный столик, стулья (см. рис. 6).

Рисунок 6. Журналисты и приглашенная звезда в минималистичной студии программы «Акулы пера», 1996 г

Однако данный визуальный аскетизм действительно работал на общую концепцию. Возникал эффект психологического прессинга. Музыканты находились в непосредственной близости от журналистов. И этим обеспечивался непрерывный зрительный контакт. Затруднялось уклонение от ответов. Журналисты задавали провокационные вопросы, десакрализируя образ «недосягаемой звезды».

Весьма значимым стало и появление женской исповедальности. 22 февраля 1995 года стартовала программа «Я сама» – профильное женское ток-шоу под руководством Юлии Миньшовой. Сценография, которая была выстроена по принципу круга, создавала атмосферу психологически безопасного пространства, где ведущая и эксперты рассматривали жизненные кризисы с разных позиций (рис. 7).

Рисунок 7. Юлия Меньшова и эксперты обсуждают проблему с героиней в круглой студии программы «Я сама», 1995 г

Апогеем деконструкции табу стала программа «Про это»; она стартовала в 1997 г. Это было первое на отечественном телевидении шоу, предметом которого стало открытое обсуждение интимных аспектов человеческой жизни. Ведущая Елена Ханга модерировала сложные дискуссии, сохраняя академический такт [14]. Визуально программа была решена в приглушенных неоновых тонах (см. рис. 8), формируя эстетику позднего вечера, располагающую к доверительному диалогу.

Рисунок 8. Елена Ханга в студии программы «Про это», 1998 г

В условиях тяжелого социального стресса юмористические программы выполняли функцию психологической разрядки. Девяностые годы стали периодом расцвета телевизионного постмодернизма. Высшим достижением политсатиры явилась программа «Куклы» (НТВ, 1994 – 2002 гг.). Латексные куклы, которые карикатурно изображали первых лиц государства, разыгрывали сценки на злобу дня [3] (рис. 9).

Рисунок 9. Кадры сатирической передачи «Куклы», 1995 – 1996 гг

Принцип подачи материала отличался новаторством. Так, актуальные политические события «упаковывались» в сюжеты мировой классики (от «Гамлета» до произведений Артура Конан Дойля). Это был телевизионный карнавал, низводивший сакральные фигуры власти до уровня комедийных персонажей.

В ином, бытовом регистре функционировал скетчком «Городок» (1993-2012 гг.), который был создан Ильей Олейниковым и Юрием Стояновым. Актеры воплотили на экране абсурдный, но гуманистический мир, населенный узнаваемыми социальными типажам [8] (рис. 10).

Рисунок 10. Илья Олейников и Юрий Стоянов в характерных образах во время исполнения скетча в программе «Городок»

Визуальный язык «Городка», снимавшегося, в основном, на реальных улицах и в обычных квартирах, был подчеркнута неформальным. Он был лишен студийного глянца. Натурализм в сочетании с виртуозной игрой слов превращал социальную трагедию в «очищающий» фарс. Трагическое и комическое в эстетике передачи всегда существовали неразрывно.

Анализ телеэфира переходного периода невозможен без оценки динамики детского вещания. Его идейным лидером стал Сергей Супонев. Он изменил тональность общения с юным зрителем, отказавшись от дидактики в пользу партнерского, доверительного диалога.

Так, осенью 1992 г. стартовала интеллектуальная телеигра «Звездный час» (в формате проекта Владислава Листьева), обретшая высокую популярность именно с приходом Супонева [1; 4; 7]. Сценография была инновационной: на фоне стен с фигурками игроки перемещались по студии на специальных цветных тележках при каждом правильном ответе (рис. 11).

Рисунок 11. Студия интеллектуальной игры «Звездный час»

Важным нововведением стало привлечение родителей в качестве помощников. Тем самым укреплялись межпоколенческие связи в рамках телевизионного формата.

В 1993 г. Супонев запустил передачу «Зов джунглей» – телевизионный аналог спортивных соревнований, который был интегрирован в притягательную сказочную «оболочку». Команды «Травоядных» и «Хищников» соревновались в декорациях, имитирующих тропические заросли (рис. 12).

Рисунок 12. Сергей Супонев в окружении команд «Хищников» и «Травоядных» в студии «Зов джунглей»

За победу в испытаниях команды получали символические награды – поролоновые бананы и кости. Визуальный ряд этой программы, не опиравшийся на сложные спецэффекты, привлекал аудиторию за счет высочайшей динамики вкупе с глубоким пониманием детской психологии.

Обобщая эмпирический материал, целесообразно выделить ключевые параметры визуального языка развлекательного телевидения 1990-х гг. Данный период характеризуется отказом от строгой геометрии и академичного освещения советских студий. На смену им пришли клиповый монтаж, использование подвижной камеры, агрессивные цветовые контрасты, неоновая подсветка. Сценография эволюционировала из пассивного фона в смыслообразующий инструмент. Пространственная ограниченность студии «Акул пера» обеспечивала открытый конфликт, круговая рассадка в «Я сама» формировала атмосферу доверия, вращающийся барабан «Поля чудес» конструировал пространство непрерывного праздника. Имидж телеведущих превратился в сложный семиотический код, который легко декодировался аудиторией.

Заключение

Развлекательные телепрограммы 1990-х гг. представляют собой уникальный феномен переходной медиакультуры. Они служили не рядовым средством заполнения эфирной сетки, а важнейшим институтом социализации общества на фоне смены политической и экономической формаций.

Жанровая типология анализируемого периода отражает явную широту: от монетизации знаний в телеиграх до серьезной деконструкции социальных табу в ток-шоу и политической сатире.

Сегодня, когда медиапотребление сместилось, в основном, в цифровую среду, становится очевидным, что многие современные форматы генетически восходят к телевизионным экспериментам последнего десятилетия прошлого века. Агрессивная стилистика интервью успешно адаптирована блогерами, а форматы женской исповедальности обрели «второе дыхание» на видеохостингах. Визуальные и жанровые матрицы, которые созданы «первопроходцами» коммерческого вещания в России, интегрировались в отечественную культуру, подготовив аудиторию к современному этапу развития глобальных медиакommunikаций.

Список литературы

1. Громова К.В. Основные требования к медиаконтенту для детей школьного возраста (школьников) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – С. 207–211.
2. Енгальчева Е.В. Телевидение как фактор формирования социокультурной идентичности поколения российских миллениалов (по материалам глубинного интервью) // Исторический бюллетень. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 87–94.
3. Качкаева А.Г. Жанры и форматы современного телевидения. Последствия трансформации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2010. – С. 42–51.

4. Ключевская О.С. Отечественное детское телевидение: к вопросу ретроспективной периодизации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2020. – Т. 39. – С. 331–344.
5. Марачева А.В., Ахмедалиева Т.Б., Зубарева В.А. Интерактивность как взаимодействие с телезрителем // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – С. 63–68.
6. Ненашев М.Ф. Иллюзии свободы. Российские СМИ в эпоху перемен (1985–2009). Монография. – Москва: Логос, 2010. – 320 с.
7. Новикова С.А. Телевизионные игры // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2007. – С. 251–260.
8. Овчинников-Лысенко Е.Г. Способы отражения социальной справедливости в СМИ и новых медиа России // Теория и практика общественного развития. – 2025. – С. 103–109.
9. Попов А.А., Линкова Н.Ю. Региональное телевидение в условиях радикальных трансформаций российского общества в 1990-е годы (на материалах Республики Коми) // Исторический поиск. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 33–40.
10. Степура И.В. Местное вещание и ретрансляция в регионах Европейской части России // Экономика и социум. – 2019. – С. 295–312.
11. Степура И.В. Общациональное телевидение «новой России»: краткий очерк // Экономика и социум. – 2021. – С. 299–315.
12. Халидов Ш.Д., Алипулатов И.С. Особенности развития общационального телевидения в период перестройки // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 4 (89). – С. 410–413.
13. Цуриков А.Н. Владислав Листьев как символ российского телевидения // Символ науки. – 2020. – С. 38–49.
14. Шаповалова Н.Г. Ток-шоу как модель современного дискурсивного взаимодействия в России // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – С. 181–184.

References

1. Gromova K.V. [Basic requirements for media content for school-age children (schoolchildren)] // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2015. – No. 3–2. – P. 207–211. (In Russ.).
2. Engalycheva E.V. [Television as a factor in the formation of socio-cultural identity of the generation of Russian millennials (based on in-depth interviews)] // Istoricheskiy byulleten. – 2024. – Vol. 7, No. 2. – P. 87–94. (In Russ.).
3. Kachkaeva A.G. [Genres and formats of modern television. Consequences of transformation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. – 2010. – No. 6. – P. 42–51. (In Russ.).
4. Klyuchevskaya O.S. [Domestic children's television: on the issue of retrospective periodization] // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya. – 2020. – Vol. 39, No. 3. – P. 331–344. (In Russ.).

5. Maracheva A.V., Akhmedalieva T.B., Zubareva V.A. [Interactivity as interaction with the TV viewer] // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk.* – 2025. – No. 5–2 (104). – P. 63–68. (In Russ.).
6. Nenashev M.F. [Illusions of freedom. Russian media in the era of change (1985–2009). Monograph] // Moscow: Logos. – 2010. (In Russ.).
7. Novikova S.A. [Television games] // *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya.* – 2007. – No. 9. – P. 251–260. (In Russ.).
8. Ovchinnikov-Lysenko E.G. [Ways of reflecting social justice in the media and new media of Russia] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* – 2025. – No. 1. – P. 103–109. (In Russ.).
9. Popov A.A., Linkova N.Yu. [Regional television broadcasting in the context of radical transformations of Russian society in the 1990s (based on materials from the Komi Republic)] // *Istoricheskiy poisk.* – 2024. – Vol. 5, No. 2. – P. 33–40. (In Russ.).
10. Stepura I.V. [Local broadcasting and retransmission in the regions of the European part of Russia] // *Ekonomika i sotsium.* – 2019. – No. 2 (57). – P. 295–312. (In Russ.).
11. Stepura I.V. [National television of «new Russia»: a brief essay] // *Ekonomika i sotsium.* – 2021. – No. 6–2 (85). – P. 299–315. (In Russ.).
12. Khalidov Sh.D., Alipulatov I.S. [Features of the development of national television during the perestroika period] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya.* – 2021. – No. 4 (89). – P. 410–413. (In Russ.).
13. Tsurikov A.N. [Vladislav Listyev as a symbol of Russian television] // *Simvol nauki.* – 2020. – No. 8. – P. 38–49. (In Russ.).
14. Shapovalova N.G. [Talk show as a model of modern discursive interaction in Russia] // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal.* – 2016. – No. 9–4 (51). – P. 181–184. (In Russ.).

ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья поступила в редакцию: 06.09.2026

Статья принята к публикации: 12.10.2026

Статья опубликована: 21.10.2026

УДК 372.881.161.1:004.8

Алгоритмическая интерференция в обучении РКИ: псевдонормативные модели русской речи в условиях генеративного ИИ

Камалова Дилафруз Туймурод кизи

ст. преп

Навоийский государственный университет

Республика Узбекистан, г. Навои

E-mail: dilafruzkamalova927@gmail.com

Algorithmic interference in teaching Russian as a foreign language: pseudo-normative models of Russian speech in the context of generative AI

Kamalova Dilafruz Tuymurod Kizi

senior lecturer

Navoi State University

Republic of Uzbekistan, Navoi

Аннотация

В статье рассматривается влияние генеративного искусственного интеллекта на формирование русской речи иностранных учащихся и связанные с ним изменения в методике преподавания РКИ. Цель исследования – определить основные проявления алгоритмической интерференции и разработать практическую модель критической работы с ИИ-сгенерированным языковым материалом. Материал исследования составили 15 русскоязычных речевых конструкций, полученных в ходе пилотной серии запросов к ChatGPT и отражающих ситуации перевода, редактирования текста, составления сообщений и выбора коммуникативно уместных формулировок. Выделены пять типов псевдонормы: лексико-сочетаемостьная, стилистическая, прагматическая, дискурсивная и лингвокультурная. Практическая часть включает расширенный банк примеров, алгоритм проверки ИИ-текста на занятии, комплекс из семи упражнений для уровней А2–В2 и критерии оценивания ответов.

Библиографическое описание: Камалова Д.Т. кизи Алгоритмическая интерференция в обучении РКИ: псевдонормативные модели русской речи в условиях генеративного ИИ // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23540>

В качестве методического результата предлагается формирование верификационной языковой компетенции – способности оценивать высказывание с точки зрения правильности, естественности, уместности и соответствия речевому намерению. Показано, что работа с ИИ-текстом может быть организована не как получение готового образца, а как последовательная процедура сопоставления, редактирования и аргументированного языкового выбора. Особое внимание уделяется практической применимости предложенной модели в учебной аудитории РКИ.

Abstract

The study examines how generative artificial intelligence may influence the development of Russian-language competence among foreign learners and addresses the methodological implications for teaching Russian as a foreign language. The aim is to identify major manifestations of algorithmic interference and to develop a practical model for critically working with AI-generated language material. The empirical material comprises 15 Russian-language constructions obtained through a pilot series of prompts to ChatGPT in situations involving translation, text revision, message writing, and the choice of contextually appropriate formulations. Five types of pseudo-norm are distinguished: lexical-collocational, stylistic, pragmatic, discourse-related, and linguocultural. The practical component includes an expanded bank of examples, a classroom algorithm for verifying AI-generated text, a set of seven exercises differentiated for A2–B2 proficiency levels, and assessment criteria. The methodological outcome is the concept of linguistic verification competence, understood as the ability to evaluate an utterance in terms of correctness, naturalness, appropriateness, and consistency with communicative intent. The proposed model treats AI-generated text not as a ready-made norm, but as material for comparison, editing, and reasoned linguistic choice. Particular attention is paid to the practical application of the proposed model in teaching Russian as a foreign language.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, генеративный искусственный интеллект, алгоритмическая интерференция, псевдонорма, верификационная языковая компетенция, система упражнений, уровни A2-B2.

Keywords: Russian as a foreign language, generative artificial intelligence, algorithmic interference, pseudo-norm, linguistic verification competence, exercise system, A2-B2 levels.

Введение

Распространение генеративного искусственного интеллекта меняет характер самостоятельной работы иностранных учащихся с русским языком. Генеративные модели используются для перевода, редактирования письменных работ, составления сообщений и объяснения языковых явлений, становясь дополнительным источником языкового материала, который учащийся может естественно воспринимать. Включение генеративного ИИ в процесс построения русскоязычного высказывания создаёт ситуацию, при которой формально правильные, но недостаточно естественные, стилистически несоразмерные или прагматически неуместные конструкции могут восприниматься учащимся как нормативный образец русской речи. Это требует уточнения традиционного понимания языковой интерференции применительно к современным условиям обучения РКИ.

Цель исследования – определить основные проявления алгоритмической интерференции в обучении РКИ и разработать методическую модель работы с ИИ-сгенерированными речевыми вариантами. Для достижения цели необходимо: 1) разграничить межъязыковую и алгоритмическую интерференцию; 2) описать типы псевдонормативных моделей и расширить их иллюстративное представление; 3) предложить поэтапный алгоритм проверки ИИ-текста; 4) разработать систему упражнений для уровней А2, В1 и В2; 5) определить критерии оценивания результатов такой работы.

Материалы и методы

Материал исследования составили 15 русскоязычных речевых конструкций, полученных в ходе пилотной серии запросов к ChatGPT (OpenAI). Запросы моделировали типичные ситуации самостоятельной работы иностранных учащихся: перевод, редактирование текста, составление сообщений и выбор коммуникативно уместной формулировки. В анализ включались все 15 полученных конструкций; дополнительный отбор не проводился. Для практической части пять репрезентативных примеров из пилотной выборки дополнены десятью учебными аналогами, смоделированными по тем же типам псевдонормы. Эти дополнительные примеры используются только как дидактический материал и не включаются в объём эмпирической выборки.

Исследование носит теоретико-методический характер, а пилотный материал используется для предварительной проверки предлагаемой классификации. Качественная лингвистическая оценка проводилась по критериям грамматической правильности, лексической сочетаемости, стилистической адекватности, прагматической уместности и соответствия нормам русской речевой коммуникации. Применялись описательный, контекстуальный, сопоставительный и прагматический методы анализа. Методическая часть строится по принципу усложнения деятельности: от распознавания более естественного варианта на уровне А2 к классификации и редактированию на уровне В1 и к самостоятельной верификации, аргументации и работе с вариативностью на уровне В2. Полученные результаты имеют предварительный характер и требуют дальнейшей апробации на более широкой выборке учащихся и с использованием разных генеративных систем.

Результаты и обсуждение

В рамках первой задачи разграничиваются межъязыковая и алгоритмическая интерференция. Традиционно языковая интерференция связывается с влиянием одной языковой системы на другую в условиях языкового контакта [9]. При использовании генеративного ИИ эта модель усложняется: наряду со схемой «родной язык → русская речь учащегося» возникает дополнительная – «коммуникативный запрос → генеративный ИИ → русскоязычная модель → речь учащегося». Источником воздействия в данном случае становится алгоритмически сформированный речевой вариант, воспринимаемый учащимся как возможный образец.

Межъязыковое влияние внутри больших языковых моделей уже становится предметом специального изучения. Р. Дас связывает различную представленность языков в обучающих данных с возможностью их алгоритмической стандартизации [6]. В российской методике

также рассматривается лингводидактический потенциал генеративного ИИ в обучении РКИ [1; 2; 4]. П.В. Сысоев и Е.М. Филатов анализируют возможности ChatGPT и других ИИ-инструментов в организации речевой практики учащихся [5], а Н.А. Козловцева рассматривает использование ChatGPT при обучении стилистике русского языка, что особенно значимо при оценке естественности и уместности ИИ-сгенерированных формулировок [3]. Применительно к РКИ это позволяет рассматривать генеративный ИИ не как нейтральный источник языковой нормы, а как дополнительного посредника между речевым намерением учащегося и конечным высказыванием.

Исследования показывают, что тексты, создаваемые ИИ, могут отличаться более высокой лексической и синтаксической сложностью, однако это само по себе не свидетельствует об их коммуникативной адекватности [7]. Аналогично автоматическая коррекция языковых ошибок не всегда способствует пониманию нормы и условий её употребления [8; 10]. Поэтому в обучении важно оценивать не только полученный текст, но и способность учащегося самостоятельно выбирать языковые средства в соответствии с коммуникативной задачей.

Вторая задача связана с определением типов псевдонормативных моделей. Наиболее существенны не явные грамматические ошибки, а формально допустимые конструкции, которые оказываются недостаточно естественными, стилистически несоразмерными или коммуникативно неуместными. В рамках предлагаемого подхода выделяются пять типов псевдонормы. Чтобы сделать различия между ними методически наблюдаемыми, каждый тип представлен тремя примерами по одной схеме: коммуникативное намерение → ИИ-вариант → естественный вариант → комментарий. Без специальной маркировки приводится пример из пилотной выборки; знаком * отмечены дополнительные учебные аналоги.

Таблица 1. Пример из пилотной выборки

Тип псевдонормы	Намерение	ИИ-вариант	Естественный вариант	Комментарий
Лексикосочетательная	1. Сообщить о консультации. 2*. Задать вопрос по заданию. 3*. Сообщить о разговоре с куратором.	1. «Я имел консультацию с преподавателем». 2*. «Я имею вопрос по домашнему заданию». 3*. «Я провёл разговор с куратором о расписании».	1. «Я консультировался с преподавателем» / «У меня была консультация». 2*. «У меня есть вопрос по домашнему заданию». 3*. «Я поговорил с куратором о расписании».	Формально понятная модель воспроизводит непривычную сочетаемость или выбирает избыточно книжное сочетание там, где нейтральная русская речь предпочитает другую конструкцию.

Тип псевдонор-мы	Намерение	ИИ-вариант	Естественный вариант	Комментарий
Стилистическая	1. Попросить разрешение пропустить занятие. 2*. Сообщить о невозможности прийти. 3*. Узнать у одноклассника время занятия.	1. «Я обращаюсь к Вам с просьбой предоставить мне возможность отсутствовать на занятии...». 2*. «Настоящим уведомляю Вас о невозможности моего присутствия на занятии». 3*. «Прошу сообщить мне время начала нашего занятия».	1. «Можно я завтра пропущу занятие?» / «Разрешите мне завтра отсутствовать на занятии». 2*. «Сообщаю, что завтра не смогу прийти на занятие». 3*. «Скажи, пожалуйста, во сколько начинается занятие?»	Нарушается соразмерность регистра ситуации: нейтральная просьба или бытовое сообщение получают канцелярскую, чрезмерно официальную форму.
Прагматическая	1. Попросить преподавателя быстро проверить работу. 2*. Попросить повторно объяснить правило. 3*. Попросить прислать материалы.	1. «Прошу проверить мою работу сегодня до 18:00». 2*. «Вы должны ещё раз объяснить мне это правило». 3*. «Отправьте мне материалы сегодня».	1. «Если будет возможность, посмотрите, пожалуйста, мою работу сегодня». 2*. «Не могли бы Вы ещё раз объяснить это правило?» 3*. «Если возможно, пришлите, пожалуйста, материалы сегодня».	Грамматически допустимая форма не учитывает статус адресата, дистанцию и необходимость смягчения просьбы. Коррекция касается не нормы как таковой, а речевого действия.
Дискурсивная	1. Начать учебное эссе. 2*. Завершить рассуждение о формах обращения. 3*. Ввести тему небольшого сообщения.	1. «В современном мире данная тема является особенно актуальной...». 2*. «В заключение следует отметить, что данная проблема имеет большое значение». 3*. «Как всем известно, русский язык является богатым и великим языком...».	1. «Использование ИИ меняет способы самостоятельной работы учащихся с русским языком». 2*. «Таким образом, выбор обращения зависит от статуса адресата и ситуации общения». 3*. «В сообщении рассматриваются формы русского речевого этикета».	ИИ-вариант воспроизводит универсальный композиционный шаблон, почти не связанный с конкретным содержанием. Естественный вариант сразу вводит предмет высказывания или формулирует конкретный вывод.
Лингвокультурная	1. Официально обратиться к преподавателю. 2*. Поздороваться с преподавателем. 3*. Начать письменное обращение к преподавателю.	1. «Дорогой преподаватель!» 2*. «Здравствуйте, преподаватель!» 3*. «Уважаемый господин учитель!»	1. «Уважаемая Анна Сергеевна!» 2*. «Здравствуйте, Ольга Викторовна!» 3*. «Уважаемый Сергей Петрович!»	Формальная правильность не обеспечивает соответствия привычной русской модели речевого поведения. Существенны обращение по имени и отчеству, дистанция и принятые формулы в институциональном общении.

Такое представление позволяет перенести акцент с констатации «правильно / неправильно» на объяснение того, почему формально допустимый вариант оказывается менее естественным или менее уместным. Для учащегося это особенно важно в ситуациях, где различие нельзя свести к одной грамматической норме: выбор зависит от адресата, регистра, жанра и коммуникативной цели.

Практическая модель работы с ИИ-текстом на занятиях РКИ

Третья задача исследования связана с переводом выявленных различий в последовательную учебную процедуру. Для этого предлагается понятие верификационной языковой компетенции способности заметить сомнительный ИИ-вариант, проверить его по нескольким параметрам, предложить более естественную формулировку и объяснить свой выбор.

Базовым инструментом становится верификационный вопросник: правильно ли высказывание грамматически? естественно ли оно для данной ситуации? соответствует ли регистр отношениям участников? выражает ли оно исходное намерение без нежелательного усиления, смягчения или изменения смысла? На основе этих вопросов предлагается следующий алгоритм работы с ИИ-текстом на занятии:

1) определить речевое намерение и параметры ситуации: кто говорит, кому, с какой целью и в каком жанре; 2) зафиксировать исходный запрос и полученный ИИ-вариант без предварительной правки; 3) проверить грамматическую корректность и лексическую сочетаемость; 4) оценить естественность: употребил бы носитель языка такую формулировку в аналогичной ситуации; 5) проверить регистр, речевые роли и прагматическую уместность; 6) сопоставить ИИ-вариант как минимум с одним более естественным вариантом, а на уровне В2 – при необходимости с аутентичным образцом, словарём или корпусным примером; 7) отредактировать высказывание и кратко объяснить, что именно было изменено и почему. Следовательно, ответ, полученный с помощью ИИ, используется как материал для языкового анализа.

Комплекс упражнений строится по принципу постепенного усложнения. Уровневая привязка является ориентировочной: на А2 преобладают узнавание и выбор, на В1 – классификация и редактирование, на В2 – самостоятельная верификация и аргументация.

Таблица 2. Комплекс упражнений

№	Уровень	Тип задания	Инструкция	Ожидаемый результат
1	A2	Выбор естественного варианта	Из двух или трёх формулировок выбрать ту, которая лучше подходит к заданной ситуации: «У меня есть вопрос» / «Я имею вопрос»; «Здравствуйте, Анна Сергеевна!» / «Здравствуйте, преподаватель!».	Распознавание более естественной и культурно уместной модели.
2	A2–B1	Намерение и формулировка	Соотнести пять коммуникативных намерений с подходящими репликами: просьба, сообщение об отсутствии, вопрос однокласснику, обращение к преподавателю, вывод учебного текста.	Понимание связи между целью высказывания, адресатом и языковой формой.
3	B1	Классификация псевдонорм	Определить тип псевдонормы в пяти ИИ-вариантах и подчеркнуть фрагмент, который создаёт эффект неестественности или неуместности.	Различение пяти типов псевдонормы.

№	Уро- вень	Тип задания	Инструкция	Ожидаемый резуль- тат
4	B1	Редактирова-ние с комментарием	Переписать пять ИИ-вариантов так, чтобы они соответствовали нейтральной русской речи; к каждой правке дать одно короткое объяснение.	Переход от распознавания к самостоятельной коррекции.
5	B1– B2	Смена адресата	Одно намерение («попросить прислать материал») выразить в трёх ситуациях: сообщение другу, преподавателю и сотруднику деканата. Сопоставить обращение, степень категоричности и регистр.	Формирование прагматической гибкости и чувства регистра.
6	B2	Верификация реального ИИ- ответа	Сформулировать запрос к генеративной системе, сохранить ответ и проверить его по четырём вопросам: правильно ли? естественно ли? уместно ли? соответствует ли намерению? Затем предложить редакцию.	Самостоятельная работа по полному алгоритму верификации.
7	B2	Мини-проект	Получить два ИИ-варианта одного текста для разных адресатов, сравнить их с аутентичным образцом и составить краткую рекомендацию: какие признаки ответа можно принять, а какие требуют проверки.	Аргументированная оценка вариативности и осознанный языковой выбор.

Для заданий 1 – 2 используется преимущественно объективный подсчёт правильных выборов. В заданиях 3 – 7 оценивание должно учитывать не только итоговую формулировку, но и ход верификации. Предлагается следующая шкала оценивания.

Таблица 3. Объективный подсчёт правильных выборов

Критерий	Баллы	Показатель
Языковая корректность	0–2	Сохранены грамматическая норма и исходный смысл; отсутствуют новые ошибки.
Естественность формулировки	0–2	Выбран вариант, характерный для нейтральной современной русской речи в данной ситуации.
Стилистическая и прагматическая уместность	0–2	Учитываются адресат, дистанция, жанр и степень официальности.
Аргументация правки	0–2	Учащийся называет причину изменения, а не только предлагает замену.
Самостоятельность верификации	0–2	На уровне B2 выбор подтверждается сопоставлением вариантов, а при необходимости – словарём, корпусным или аутентичным примером.

Максимум за аналитическое задание – 10 баллов. Результат 9 – 10 баллов означает уверенное владение процедурой верификации; 7 – 8 – в целом сформированное умение при отдельных неточностях; 5 – 6 – частичное владение, требующее опоры на вопросы преподавателя; менее 5 баллов – необходимость повторной работы с типами псевдонормы. Для уровня A2 допустимо сокращение шкалы до трёх критериев: правильность выбора, понимание ситуации и отсутствие смыслового искажения.

Практическая ценность предложенной системы состоит в том, что она разводит два действия, которые учащиеся часто смешивают: получение ответа от ИИ и признание этого ответа языковой нормой. На начальном этапе преподаватель даёт готовые пары и задаёт ситуацию общения; затем доля опоры сокращается, а на уровне B2 учащийся сам формулирует запрос, сравнивает варианты и обосновывает окончательную редакцию. При

таком построении занятия генеративная система используется как источник вариативного языкового материала, тогда как нормативное решение остаётся результатом лингвистического анализа.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать генеративный ИИ как дополнительный фактор, способный влиять на формирование русской речи иностранного учащегося. Для описания такого влияния используется рабочее понятие алгоритмической интерференции – воздействия речевых моделей, создаваемых генеративной системой и воспринимаемых учащимся как возможный нормативный образец. Псевдонормативные конструкции особенно значимы потому, что их проблемность не всегда обнаруживается на уровне грамматики: она проявляется в сочетаемости, регистре, прагматике, структуре текста и лингвокультурной модели общения.

Методический результат работы состоит в переводе этой проблемы в конкретную учебную процедуру. Предложены расширенный банк примеров, семишаговый алгоритм проверки ИИ-текста, комплекс из семи упражнений для уровней А2-В2 и критерии оценивания. Такая организация позволяет формировать верификационную языковую компетенцию: учащийся учится не просто принимать или отвергать ИИ-ответ, а проверять его, сопоставлять варианты и аргументированно выбирать речевую форму. Ограничением исследования остаётся небольшой объём пилотной выборки и отсутствие отдельного педагогического эксперимента с контрольной и экспериментальной группами. Поэтому следующим этапом должна стать апробация предложенной системы на занятиях РКИ с фиксацией динамики ошибок, времени выполнения и качества аргументации учащихся.

Список литературы

1. Двинина С.Ю., Цвентух Т.С. Возможности GigaChat при обучении русскому языку как иностранному: нейросеть, создание учебных текстов и развитие видов речевой деятельности на уровне В1 // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 6. – С. 150–158. – DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-150-158.
2. Дзюба Е.В. Уроки русского для иностранцев: техники искусственного интеллекта или искусство техники? // Русистика. – 2024. – Т. 22, № 2. – С. 242–261. – DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-242-261.
3. Козловцева Н.А. Методический потенциал использования ChatGPT в обучении стилистике русского языка на продвинутом этапе // Русский язык за рубежом. – 2024. – № 3. – С. 89–94. – DOI: 10.37632/PI.2024.304.3.015.
4. Мачковская Л.Я., Фатина А.В., Ветошкина О.А. Генеративные модели искусственного интеллекта в преподавании русского языка как иностранного: возможности, ограничения и риски // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 11. – С. 73–78. – DOI: 10.24412/2500-1000-2025-11-1-73-78.

5. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Технологии искусственного интеллекта в обучении русскому языку как иностранному // Русистика. – 2024. – Т. 22, № 2. – С. 300–317. – DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317.
6. Das R. Quantifying Cross-Lingual Interference: Algorithmic Standardization of Kamtapuri in Large Language Models // Proceedings of the Second Workshop on Language Models for Low-Resource Languages. Rabat: Association for Computational Linguistics. – 2026. – P. 110–113. – DOI: 10.18653/v1/2026.loreslm-1.10.
7. Fredrick D.R., Craven L. Lexical diversity, syntactic complexity, and readability: a corpus-based analysis of ChatGPT and L2 student essays // Frontiers in Education. – 2025. – Т. 10. – Art. 1616935. – DOI: 10.3389/feduc.2025.1616935.
8. Li M. Leveraging ChatGPT for Second Language Writing Feedback and Assessment // International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching. – 2024. – Т. 14, № 1. – P. 1–11. – DOI: 10.4018/IJCALLT.360382.
9. Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. – New York: Linguistic Circle of New York, 1953. – 148 P.
10. Yan D., Zhang S. L2 writer engagement with automated written corrective feedback provided by ChatGPT: A mixed-method multiple case study // Humanities and Social Sciences Communications. – 2024. – Т. 11. – Art. 1086. – DOI: 10.1057/s41599-024-03543-y.

References

1. Dvinina S.Yu., Tsventukh T.S. [GigaChat capabilities in teaching Russian as a foreign language: neural network, creation of educational texts and development of speech activities at B1 level] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2025. – No. 6. – P. 150–158. – DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-150-158. (In Russ.).
2. Dziuba E.V. [Russian lessons for foreigners: tools of artificial intelligence or the art of technology?] // Russian Language Studies. – 2024. – Vol. 22, No. 2. – P. 242–261. – DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-242-261. (In Russ.).
3. Kozlovitseva N.A. [Methodical potential of using ChatGPT in advanced Russian language training] // Russian Language Abroad. – 2024. – No. 3. – P. 89–94. – DOI: 10.37632/PI.2024.304.3.015. (In Russ.).
4. Machkovskaya L.Ya., Fatina A.V., Vetoshkina O.A. [Generative artificial intelligence models in teaching Russian as a foreign language: opportunities, limitations and risks] // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2025. – No. 11. – P. 73–78. – DOI: 10.24412/2500-1000-2025-11-1-73-78. (In Russ.).
5. Sysoyev P.V., Filatov E.M. [Artificial intelligence technologies in teaching Russian as a foreign language] // Russian Language Studies. – 2024. – Vol. 22, No. 2. – P. 300–317. – DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317. (In Russ.).
6. Das R. Quantifying Cross-Lingual Interference: Algorithmic Standardization of Kamtapuri in Large Language Models // Proceedings of the Second Workshop on Language Models for Low-Resource Languages. – 2026. – P. 110–113. – DOI: 10.18653/v1/2026.loreslm-1.10.

7. Fredrick D.R., Craven L. Lexical diversity, syntactic complexity, and readability: a corpus-based analysis of ChatGPT and L2 student essays // *Frontiers in Education*. – 2025. – Vol. 10. – Art. 1616935. – DOI: 10.3389/feduc.2025.1616935.
8. Li M. Leveraging ChatGPT for Second Language Writing Feedback and Assessment // *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*. – 2024. – Vol. 14, No. 1. – P. 1–11. – DOI: 10.4018/IJCALLT.360382.
9. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. – New York: Linguistic Circle of New York, 1953. – 148 P.
10. Yan D., Zhang S. L2 writer engagement with automated written corrective feedback provided by ChatGPT: A mixed-method multiple case study // *Humanities and Social Sciences Communications*. – 2024. – Vol. 11. – Art. 1086. – DOI: 10.1057/s41599-024-03543-y.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Электронный научный журнал

№ 10(148)

Октябрь 2026 г.

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.

Издание содержит научную информацию и в соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не подлежит классификации (маркировке) по возрастным категориям

Издательство ООО «Юниверсум»

Объём издания: 64 с.

Минимальные системные требования: процессор с частотой от 1,3 ГГц; ОЗУ от 512 МБ; программа для чтения PDF-файлов; доступ к сети Интернет

Дата размещения в сети Интернет: 21.10.2026

Журнал размещается в:

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
e LIBRARY.RU

Google
scholar

ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

BASE

СОЦИОНЕТ

OpenAIRE

[Registry of Open Access
Repositories \(ROAR\)](#)